

0 20 20
61

ГЕННАДИЙ
БОЧАРОВ

ПОРЯЧКЕ СЕКУНДЫ ЖИЗНИ

Афганистан:
молодые
герои
революции

W 7

ГЕННАДИЙ
БОЧАРОВ

В 10-26
61

**ГОРЯЧИЕ
СЕКУНДЫ
ЖИЗНИ**

АФГАНИСТАН:
МОЛОДЫЕ
ГЕРОИ
РЕВОЛЮЦИИ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1980

13 13227000

66.75(5АФ)
Б86

2007339155

Б 10304—311 Без объявл. 1104000000
078(02)—80

© Издательство «Молодая гвардия», 1980

Три дня и вся жизнь

Документальная повесть

Кабул, 21 февраля 1980 года.

Они сидели вокруг широкого низкого стола, на котором стоял остывший чай и лежали два автомата. В белых фарфоровых пиалах золотился забытый, нетронутый изюм. За окном сгущались сумерки: заканчивался короткий зимний день 21 февраля 1980 года.

Фарид сидел молча и неподвижно. Выслушав все, что здесь было сказано, он вспоминал то, что видел сегодня своими глазами. У него была хорошая память.

Он вспоминал.

С утра они встречались с учащимися лица Халибия и активистами Кабульского провинциального комитета ДОМА. Потом решили объехать некоторые районы города: до Фариды дошли странные слухи.

Они проехали мимо мечети Месджеде Мохаммед Якуб-хан, миновали заваленный снегом Синема-парк, у входа в который недавно торговали гранатовым соком, и направились к «зеленому рынку». Фарид смотрел на город и думал, что такого мрачного, сырого и холодного дня, какой висел сегодня над Кабулом, он никогда не видел и, пожалуй, никогда не увидит, сколько бы ни прожил. Туман и снег казались непроницаемыми, а воздух был неподвижным и тяжелым. Пятнадцать веков Кабул окружали великие вершины Гиндукуша, но даже их не было видно — все утонуло в сырой мгле дня.

Машина пересекла узкие торговые улочки.

«Остановимся здесь, — решил Фарид, — все же лучший дукан города».

Дукан, у которого они остановились, был не только лучшим, но и самым большим чайным магазином. Здесь продавался китайский, цейлонский и индийский чай, и как минимум десяти сортов. Цены при этом были не выше, чем в любой другой лавке, где выбор был несравненно бедней.

Фарид вышел из машины. Сделав несколько шагов, он увидел, что магазин закрыт, жалюзи не поднимались, по-видимому, с утра. Фарид перешел на противоположную сторону улочки — та же картина: большинство дуканов были закрыты. «Невероятно», — подумал он. Шел четверг, самый торговый день недели, канун пятничных молитв, а дуканы закрыты, факт.

Внезапно он столкнулся с хозяином чайного магазина. Тот кивнул Фариду, так как помнил любого покупателя, а постоянных тем более, но взгляд отвел в сторону.

— Джане джур? * — спросил Фарид.

Дуканщик помедлил с ответом на традиционный вопрос, затем тихо проговорил:

— Хуб хастим **.

Однако Фарид увидел — старик встревожен и подавлен.

— А что с ними? — спросил Фарид, показывая взглядом вдоль торговых рядов. — Замерзли? Кончились дрова?

Дуканщик снова отвел глаза и поиграл ключами. С какой стати он должен был делиться своими опасениями с Фаридом? Чем отличался этот худой, невысокий парень от того, который приходил в дукан уже три раза и, угрожая оружием, требовал закрыть магазин и не торговать до особого распоряжения? Ничем. Разве что этого дуканщик знал в лицо — Фарид не раз покупал у него «липтон». Вот и все. «Сейчас вообще не поймешь, кого слушать, — подумал дуканщик. — Сегодня тобою командует один, а завтра приходит другой и требует, чтобы ты подчинялся только ему и никому больше».

И все же Фарид отличался от тех, кто приходил к старику в последнее время. Он был вежлив и спокоен.

---

* — Все хорошо?

** — Все нормально.

Его глаза светились добром. Похоже, что он даже сочувствовал дуканщику.

Старик помедлил и решился.

— Два дня назад, — сказал он, — они принесли в дуكان бумажки, как они сказали, листовки. Там было написано: «Братья-мусульмане» объявляют войну всем, кто поддержит революцию. Революция — враг дуканщика». Нам предлагали закрыть наши магазины, запереться в домах и не выходить на улицу. А сегодня с утра, — продолжил старик, — они снова стали ходить по дуканам. Они уже не предлагали, а требовали, чтобы мы прекратили торговлю. Каждый из них был вооружен. Вот мы и закрыли, — закончил он и посмотрел на Фарида.

— Понятно, — проговорил Фарид. — Провокаторы действуют.

— А ты хотел «липтон»? — спросил дуканщик, не расслышав слов Фарида.

— Нет, — ответил Фарид. — У меня есть небольшой запас. Я хотел узнать, в чем дело, — дуканы закрылись во многих районах города.

— Так они по всем ходили, — сказал старик. — И всем угрожали.

Фарид вернулся в машину. Теперь он уже не сомневался в том, что его предчувствия были верны: в Кабуле готовилась контрреволюционная вылазка, и закрытие дуканов было ее верным признаком.

Машина развернулась и направилась в центр города. На грязных мокрых тротуарах, с которых давно не убирали снег, в густом тумане встречались озабоченные, хмурые люди. Обычно крикливые репродукторы молчали, не передавали музыки. Даже одна из самых оживленных улиц, на которой находились Национальный банк, Центральный телеграф и отель «Кабул», выглядела пустынной, безлюдной. Черная копоть, оставшаяся на белой стене почты после недавней бандитской выходки какого-то погромщика, казалась в этот день особенно мрачной.

Фарид любил Кабул и тонко чувствовал городскую атмосферу: всеобщую радость или настороженность, гнев или озабоченность. Впервые настоящую способность к сопереживанию, единению с людьми он ощутил, пожалуй, 17 апреля 1978 года, в день, когда был убит Мир

Акбар Хайбар — борец за свободу, видный деятель Народно-демократической партии Афганистана. Кабул не помнил таких похорон: десятки тысяч людей вышли на улицы города, возмущенные преступлением реакции. Эта грозная молчаливая демонстрация стала самым наглядным приговором даудовскому режиму. Потом, уже после революции, настроение в городе, его атмосфера менялись нередко, событий происходило много. Фарид находил этому точные объяснения. Он знал: о покое думать рано, слишком многое было сдвинуто, смещено, опрокинуто и отвергнуто Апрельской революцией. Он знал: принципиально непохожими были два периода в истории его народа — до апреля 1978 года и после апреля. Но и при самом напряженном ходе событий Фарид выделял из них те, которые по накалу и всеобщей взволнованности становились равными основным революционным дням. Таким событием он считал недавнее освобождение политических заключенных из тюрем Кабула, а также из главного аминовского застенка — тюрьмы Пули-Чархи. В тот день радость тысяч измученных людей стала его личной радостью. Надежды и вера, порожденные гуманным актом революционного правительства, возглавляемого Бабраком Кармалем, стали личными надеждами Фариды, его личным торжеством. Он был уверен: этого дня, как и дня самой грандиозной предреволюционной демонстрации на похоронах Мир Акбара Хайбара, он не забудет никогда. Не забудет улицы Кабула, на которых незнакомые люди, вышедшие на свободу из тюрем, обнимались друг с другом, не забудет особого, ни на что не похожего шума родного города. Конечно, в том, что радость этого дня была воспринята им как личная, определенную роль сыграл и его собственный горький опыт в тюремной одиночке. Но главным было все же не это. Фарид понимал, что ему передавалось настроение всего народа, радость огромного числа людей; он понимал, что был свидетелем той высокой справедливости, которая освещает сердца многих тысяч, а не отдельного человека.

Да, тот день был незабываем.

В парке Зарнегар он стоял у репродуктора и вместе со всеми слушал слова, которые уже знал на память, но слушал снова и снова. Радио постоянно повторяло обращение Бабрака Кармалы к народу. Обращение переда-

валось на разных языках: узбекском, балучи, нуристани, туркменском, пушту, дари. «Сегодня, — звенели в морозном воздухе слова, — разбита машина пыток Амина и его приспешников — диких палачей, узурпаторов и убийц десятков тысяч наших соотечественников — отцов, матерей, братьев, сестер, сыновей и дочерей, детей и стариков. Эта кровавая машина полностью разваливается до последнего кровавого винтика... Разрушены бастионы кровавой династии Амина и его сторонников — этих сторожевых псов сардаров Надир-шаха, Захир-шаха, Дауд-шаха, наемников мирового империализма во главе с американским империализмом...»

«Много ли времени прошло с того дня? — думал Фарид, подъезжая к отелю «Кабул». — Нет, всего месяц с лишним. А сколько за это время сделано? Сделано колоссально много: позиции революции окрепли, проводятся в жизнь декреты о земле, о равноправии женщин, об образовании... Но и контрреволюция не сложила оружие. Сегодняшний день, — подумал Фарид, — слишком очевидно говорит об этом».

В отеле «Кабул» Фарид условился о встрече с одним из членов Джелалабадского провинциального комитета Демократической организации молодежи Афганистана. Тот прилетел в столицу вместе с губернатором провинции.

Фарид прошел через сумрачный холл с картонными бортпроводницами «Аэрофлота» и «Эр Франс», поднялся по широкой лестнице на второй этаж и сквозь стеклянную стенку еще раз посмотрел на площадь, которая начиналась сразу за гостиничным сквером с могучими гималайскими кедрами. Дальняя часть площади, где находились мечеть и кинотеатр, была скрыта туманом, а ближняя, там, где тянулся забор с развешанным для продажи тряпьем — бумажными майками, вылинявшими рубашками — помощью Соединенных Штатов Америки даудовскому Афганистану, — была хорошо видна, и Фарид увидел две группки людей, которые, как и в других местах Кабула, где он только что проехал, настороженно о чем-то совещались и постоянно поглядывали по сторонам.

Беспокойство не покидало Фариду, а «чувство города» не обманывало. Подойдя к номеру, в котором остановился Мохаммед Ашраф, он громко постучал, словно

стук мог помочь избавиться от предчувствий, и вошел в комнату. Мохаммед ждал его, и они тут же приступили к делу.

После короткого доклада о делах провинциального комитета, Мохаммед сказал:

— Вчера ночью душманы повредили два вертолета. Стреляли по месту стоянки.

— А как обстановка в университете? — спросил Фарид. — Ты там бываешь?

Мохаммед посмотрел в окно, остановив взгляд на флаге, развевающемся над бывшей резиденцией Дауда, а ныне Домом народа, и проговорил так, как будто не душманы, а он был повинен в том, что предстояло сейчас сообщить секретарю ЦК ДОМА.

— Обстановка хуже некуда.

— Что значит «хуже некуда»? — напрягся Фарид.

— Вчера произошел тяжелый случай. А до этого все шло нормально.

— Какой случай? — вытягивал Фарид.

— Ночью во второй корпус общежития ворвалась группа душманов.

— И что? Охрана была?

— Охрана была, — сказал Мохаммед. — Но только один человек из Царандоя *. Он преградил им путь, они его убили. Потом они подняли с постелей двенадцать девушек, заставили их одеться и увели из общежития. Куда — неизвестно. Наверное, в горы.

Мохаммед помолчал.

Фарид сказал:

— Это очень плохо.

— Конечно, — кивнул Мохаммед. — Во-первых, неизвестно, что с девушками; во-вторых, об этом узнал уже весь Джелалабад: наверняка постарались сами душманы. С утра на занятия вышло не больше двадцати процентов студентов. Остальные опасаются.

— Ты говорил с ректором?

— Нет. Он пять дней в Кабуле. Я разговаривал с его заместителем Абдуль Кудусом Хайром. Он ожидает новых провокаций.

Мохаммед умолк и подошел к окну. Туман и слякоть глушили звуки редких автобусов.

---

* Царандой — народная милиция ДРА.

Фарид тоже поднялся из кресла, пересек комнату. То, что сейчас рассказывал гость из Джелалабада, кстати, его давний товарищ, было, конечно, возмутительно. Но не сами по себе факты, о которых он только что услышал, или о которых узнал в последнее время в ЦК ДОМА, или, наконец, которые наблюдал недавно в городе, тревожили Фариду, нет. Их цепь, их последовательность, их география — вот что беспокоило его по-настоящему. Становилось ясно: контрреволюция активизируется, ее действия кем-то направляются, координируются и даже дозируются — это было видно по наращиванию масштабов провокаций. Свой политический опыт Фарид, как и большинство молодых членов НДПА и ДОМА, приобретал на практике, в каждодневном противоборстве и устремлениях, сложных буднях. Умение подвергать осмыслению, анализу разрозненные, единичные факты пока только набирало силу, крепло, но уже становилось достаточно прочной опорой, без которой нельзя было бы грамотно действовать, идти вперед.

Он снял тяжелую телефонную трубку и позвонил в ЦК ДОМА.

— Бурхан приехал? — спросил он.

— Нет.

— Звонил?

— Да, — ответили ему. — Он еще в ЦК партии. Будет через двадцать минут.

— Хорошо, — сказал Фарид. — Я еду тоже. Пусть никто не уходит. Есть новости.

В городе, на его сумрачных улицах Фарид снова ощутил необъяснимую, странную тревогу. Но он не дал ей разрастись, а стал думать о делах конкретных, неотложных, связанных с главной заботой последнего времени — формированием провинциальных комитетов ДОМА, расстановкой и подбором кадров, и других делах, которые были поручены ему, Фариду Маздаку, секретарю Исполкома ДОМА по организационным вопросам.

Весь вечер они провели в кабинете Бурхана Гияси, первого секретаря ЦК ДОМА. Каждый из них рассказывал об итогах дня, что стало в их практике с некоторых пор обязательным, каждый поделился планами на завтра. Гияси остановился на главном: рассказал о положении в городе, об угрозах в адрес дуكانщиков, о по-

пытке парализовать экономическую и хозяйственную жизнь в столице.

— Нам надо быть максимально собранными, — заключил Гияси, — готовыми к действиям. По данным, которыми располагает ЦК партии, в Кабул наряду с уголовными элементами проникли агенты ЦРУ, а также их подручные, иностранные наемники. Сейчас основное — бдительность и готовность актива...

Они сидели вокруг широкого низкого стола, на котором стоял остывший чай и лежали два автомата. В белых фарфоровых пиалах золотился забытый, нетронутый изюм. За окнами сгущались сумерки, заканчивался короткий зимний день 21 февраля 1980 года. За окнами лежал древний город, окруженный горами, а за горами лежали другие горы и долины, лежала страна и ее города — Кандагар, Газни, Герат, Джелалабад, Мазари-Шериф, Баглан, лежали тысячи больших и крохотных горных селений, соединенных дорогами и тропами, и по всей этой земле, среди всего ее разноплеменного народа утверждались новый век, новые идеалы и новый быт, утверждались в борьбе и крови, неистребимой вере и надеждах.

Биография

В учебный класс школы в Надарие вошел незнакомый человек и обвел взглядом учеников. Увидев Фарида, он сказал преподавательнице английского языка:

— Этот.

Со страхом и глубоким сожалением преподавательница обратилась к одному из своих лучших учеников.

— Фарид, — сказала она, — тебя вызывают к директору. Пойдешь с этим человеком.

Фарид вышел из-за парты: он узнал незнакомца. Два дня назад рядом с мечетью Гиндавал, в центре Кабула, они встретились лицом к лицу, но тогда Фариду удалось скрыться. Однако, как видно, ненадолго. Фарид распространял листовки с текстом новой конституции, вернее, с теми поправками к конституции, которые вносила в нее Народно-демократическая партия. Теперь, выследив Фарида, полицейский явился в школу.

«Ничего не скажу, — решил про себя Фарид. — Даже если будут бить, не скажу ни слова».

У директора они задержались лишь на миг. Руководитель школы спросил: «Это правда?» — и, не дождавшись ответа, махнул рукой: «Нам ни революционеры, ни их помощники не нужны. Уведите его!»

Однако десятиклассника повели не в полицию, а домой. Здесь уже поджидали два сыщика. Вскоре они начали обыск.

Через пять минут самый старый из них с удовлетворением заявил:

— Нас не обманешь.

Около двадцати листовок, которые Фарид не успел распространить в своем квартале, были без труда обнаружены сыщиками.

— Кто тебя втянул в это дело? — спросил полицейский, который приходил в школу. — Кто заставил это делать?

Фарид посмотрел на потрясенных отца и мать, братьев и сестер, отвернулся к окну и сжал зубы.

— Кто? — переспросил полицейский. — Мы знаем, чьи это дела. Но я хочу, чтобы ты признался в этом сам. Кто из членов партии заставил тебя совершить преступление?

— Я сделал это сам, — проговорил внезапно Фарид. — Я сам член партии.

— Ты член НДПА? — с недоверием переспросил старый сыщик.

— Да, — твердо повторил Фарид. — Я член НДПА.

Это было, конечно, преувеличением: Фарид в то время членом партии еще не был, но листовки он распространял по поручению людей, безусловно, состоявших в партии. С ними его познакомили ребята из авторемонтной мастерской.

— Тогда нам тем более надо забрать тебя с собой, — проговорил старый сыщик.

— Куда забрать? — тихо спросила мать Фариды. — В полицию?

— А может, и дальше, — загадочно улыбнулся сыщик.

Чуть ли не с приятной тревогой, естественной для его возраста, Фарид переступил порог своего дома. Он шагнул навстречу неведомому приключению, совершенно не подозревая, какой драмой и уроком оно для

него обернется и какое влияние окажет на дальнейшую судьбу и жизнь. И на жизнь его близких.

Допрос в полицейском участке развеселил Фариду: от него требовали назвать имена и адреса тех, кто поручал ему распространять листовки! Он чуть не рассмеялся, когда один из следователей сказал:

— Ну давай говори, я готов записать.

— А я не готов сказать, — ответил Фарид с вызовом. — И никогда не скажу. Никогда.

И конечно, он не назвал ни одного имени. Даже сама мысль об этом показалась ему противоестественной, и он впервые испытал нечто вроде безгливости.

Что ж, у полиции на такие случаи были отработанные правила — Фарид не успел и глазом моргнуть, как оказался на пути в тюрьму.

Тюрьма Дехмазанг, куда его привели 15 мая 1976 года, с виду была обычным зданием. Так, по крайней мере, в первые минуты показалось Фариду. Однако, очутившись в темной, сырой одиночной камере с крошечным окошком под потолком, он сразу почувствовал разницу между обычным зданием и тюрьмой. Он осмотрел камеру, в которой ему предстояло находиться неопределенное время, но, конечно, как он надеялся, недолго, и стал прислушиваться к тюремным шумам. Он еще не знал, что это занятие — ловить любой звук, любое свидетельство жизни и присутствия других людей — станет его самой жгучей потребностью, как это было со всеми заключенными и особенно с теми, кто был обречен на жестокое одиночество. Он не знал, как много будут для него вскоре значить эти пока еще неясные звуки и еле различимые голоса замурованных, как и он, в каменных каморках людей. Он прислушивался пока к ним из чистого любопытства. Он осваивался с незнакомой обстановкой и, надо сказать, по-прежнему не отдавал себе полного отчета в том, что в его жизни произошла принципиальная перемена и что он попал под колеса гигантской репрессивной, бесчеловечной машины. Для того чтобы это понять, Фариду нужно было время — хотя бы несколько бесконечно холодных ночей. И он получил их. Он пережил их с горькой пользой — Фарид понял, в каком положении находится. Юношеская потребность в приключениях оказалась более чем удовлетворенной. Наступало время иных ощущений и размышлений.

Жизнь оборачивалась жестокой стороной, звала на борьбу, на сопротивление.

Фарид недолго находился в неведении относительно того, какие причины привели его за тюремную решетку. Да, среднюю общеобразовательную школу он еще не окончил, но начальную школу социальных азов успел пройти. Он хорошо понимал, чем отличается, допустим, жизнь его дома, его семьи от жизни, скажем, семейства Дауд-хана, владельца обувной фабрики. Он ясно видел контраст между тем, кто ездил по их улице на сверкающей «тойоте», и тем, кто толкал впереди себя деревянную телегу — «карачи», толкал изо дня в день, из года в год, а еще точнее — из века в век. Он, десятиклассник, уже прекрасно видел бездну между нищетой и богатством, между счастьем одних и отчаянием других, и то, что именно он оказался в конце концов среди тех, кто провозглашал новые идеи и новые политические взгляды, кто не желал мириться с вековой несправедливостью и вслух размышлял об этом в авторемонтных мастерских, было, в общем-то, естественно. И в том, что он, Фарид, без колебаний согласился помогать распространять листовки, тоже было свое логическое предопределение.

Но в первое время, внезапно оказавшись в темной камере, голодный (кормили один раз в день похлебкой), униженный, бессильный что-либо изменить, Фарид не мог избавиться от странного ощущения: все, что было в его жизни до тюрьмы, было чем-то нереальным, а вот тюрьма с ее утробными звуками, ее мраком и холодом была единственной реальностью — жестокой, нелепой и беспощадной. Но реальностью! Все, что было до тюрьмы, было сном; все, что было сейчас, — явью. Он еще не знал, что даже взрослые, многоопытные люди, оказавшись в его положении, обретали способность увязывать прошлое, настоящее и будущее далеко не сразу: на это требовалось время, требовались силы и воля. А Фариду шел лишь семнадцатый год.

— Ну как, шакал, есть хочешь? — интересовался надзиратель, ухмыляясь в грязную редкую бороду. — Или ты сыт со вчерашнего дня?

Фарид подавлял гнев и молча брал протянутую в дверное окошко миску.

— Ну как, шакал, есть хочешь? — слышал он тот

же голос на следующий день, примерно в одно и то же время. — Или со вчерашнего дня сыт?

Надзиратель лишь в первые дни вызывал гнев Фарида. Через полмесяца юный политзаключенный уже с нетерпением ожидал своего бородатого кормильца — и не только потому, что страдал от голода. Нет! Надзиратель был единственным человеком, которого Фарид видел и слышал. Он был совершенно одинок — один, как камень.

— Ну как, шакал, есть хочешь?

Сначала померкла и кончилась яркая горная весна — Фарида продолжали держать в одиночке. Потом подули сухие пыльные ветры лета — Фарид по-прежнему оставался в одиночке. Затем с деревьев опали желтые листья — Фарид узнал об осени у надзирателя.

— Ну как, шакал, есть хочешь?

Ни одной газеты и ни одного журнала. Ни одной книги и ни одной встречи!

Осыпались листья, и подошла зима: в воздухе закружилась снег.

«Что они со мной сделали? — разговаривал сам с собой Фарид. — Что будет дальше? Сколько я пробуду в этой могиле?»

Два шага вдоль холодной сырой стены. Два шага вдоль стены. Два шага назад. Сырой пол, сырые стены, сырое серое одеяло, сырой зловонный матрац, сырой воздух, два шага вдоль сырой стены, судороги в желудке, серые круги перед глазами, невозможно лежать, сырость во всех костях, сырость, как удушье, но и удушье кончается или должно кончаться, а сырость не кончается, она вечна, от нее нет спасения, она всюду, как и свет электрической лампочки, окутанной сыростью, как серой ватой, чем бы ее разбить, чтобы глаза отдохнули от электрического света, рвотно-сырого, как и вся камера, как весь коридор и как вся тюрьма. И как вся жизнь.

Негде укрыться.

Что можно изменить?

Думать о голоде! Чтобы забыть о сырости, надо думать о голоде.

Но они уже объединились, соединились, обняли его — голод и сырость. Их уже не противопоставишь друг другу: голод и сырость. И электрический свет. Они вместе, заодно.

Фарид боялся угасания, боялся раствориться в сырости. Он ходил, двигался, передвигался до изнеможения. Но сырость и электрический свет были непоколебимы, повсеместны и не принимали его вызова.

Вот он и стал искать спасения в далеких, неясных звуках, в глухих голосах-призраках. Он жадно ловил гул внешней жизни, но все чаще стал прислушиваться и к голосам в своем сердце. Он вспомнил, как в школе за несколько месяцев до ареста написал первые в своей жизни стихи о цветах. Теперь он обнаружил, что стихи можно писать и здесь, в камере. Не было, правда, карандаша и бумаги, но был кусочек провода и четыре стены. Нацарапав однажды строку: «Ты — знамение света», — он налетел вдруг на строчки человека, сидевшего здесь до него. Строки предшественника оплакивали свободу и волю, подводили итог жизни, и от них сжималось сердце. Но Фарид стал спорить с неведомым автором. Он, Фарид, хотел надеяться и верить в свободу, а не оплакивать ее. И стал каждый день «писать» стихи на стене.

Однажды он услышал песню.

«Это во сне, — подумал он. — Я сплю, а мне снится песня».

Мелодия была знакома и доносилась сквозь стены, временами она угасала, а затем снова набирала силу, и тогда Фарид отчетливо слышал слова и даже различал отдельные голоса и, замерев, слушал, боясь пошевелиться.

«Это все же не сон, — говорил он себе. — Песню поют в тюрьме. Причем где-то рядом со мной. Ее поет много людей. Может, подпою и я?»

Он тихо, смущаясь неизвестно кого, запел мелодию песни, запел громче, с волнением и подъемом, и ощутил совершенно неведомое счастье быть связанным с незнакомыми, но сильными людьми, чьи воля и жизнелюбие не сломались под гнетом унижения и одиночества, холода и голода.

Какой это был день!

После этого дня изменилось, как ни странно, очень многое.

Во-первых, изменился сам Фарид. Он стал спокойней и уверенней в себе. Во-вторых, произошли изменения и во внешнем течении жизни. Вначале к нему на

свидание пустили отца и мать. Измученная неизвестностью и ожиданием, старая Азиза постарела, кажется, еще больше. Отец — Фагир Мохаммад — технический сотрудник министерства общественных работ — тоже держался, как видно, с большим трудом.

Фарид не успел рассказать и половины того, что хотел бы рассказать. Он был многословен, как человек, не обменивавшийся за долгие месяцы ни одним словом с другим человеком, а теперь, получивший наконец возможность разговаривать, да еще с отцом и матерью, только и делал, что говорил, и тем не менее они узнали от него немного: он говорил сбивчиво и лихорадочно быстро. Он говорил, а они смотрели на него — худого, чужого, грязного, и мать плакала, а отец покачивал головой и кашлял.

Когда надзиратель прервал их свидание, Фарид не поверил, что время кончилось. Очутившись в своей камере снова, он еще долго слышал свой голос, он видел перед собой отца и мать, хотел услышать их голоса, но они были безмолвны. И смотрели на него словно сквозь толстое стекло. И все же это свидание с родителями осталось в сердце Фариды как ясный, и теплый, и дорогой праздник. Связав этот праздник с первой песней, которую он спел вместе с заключенными тюрьмы, он, Фарид, снова услышал вдруг песню, и именно в этот день, день свидания, и снова запел ее вместе со всеми и теперь уже не сдерживал себя, а пел во весь голос.

Ни одна песня — понял Фарид — не способна освободить человека из тюрьмы. Но выручить его, поддержать песня может, как немного другое.

Потом к нему пустили брата.

Старший брат Фариды — Яр Мохаммед Бабрак преподавал в лицее и был в их большой семье единственным человеком, для которого арест Фариды не был неожиданностью. По крайней мере в той степени, в какой явился для всех остальных. Брат знал о Фариде все. Тот не скрывал от Яра своих дел и не таился. Братев связывала общая любовь к чтению, и, кстати, несмотря на то, что Яр преподавал математику, именно ему Фарид был обязан тем, что в самой ранней юности узнал сочинения Саади и Фирдоуси, — Яр «ввел» эти книги в дом, открыл их для Фариды. Между братьями всегда существовали самые откровенные отношения. Яр знал,

Фарид связан с молодыми рабочими из автомастерской на их улице и что ходил на рабочие собрания, а с некоторых пор взялся за распространение листовок. Яр, однако, надеялся, что все обойдется, а молодость Фариды — достаточное «алиби» против серьезных обвинений в антиправительственной деятельности. Он, конечно, не ожидал той жестокости, с какой полиция подошла к «делу» Фариды. «Так действуют лишь те, кто уже совершенно не уверен в завтрашнем дне, — размышлял Яр, — или те, кто полностью парализован страхом перед революцией».

В свое первое свидание Фарид и Яр говорили недолго: время встречи строго регламентировалось. Но и за короткие минуты Фарид узнал много: что происходило в городе, какие велись разговоры, кто из друзей продолжал ходить в их дом, а кто, напуганный арестом Фариды, не появляется несколько месяцев. Таких друзей оказалось, к счастью, лишь двое.

Встреча с братом была замечательной. Фарид получил как бы глоток свежего воздуха.

А вскоре в его тюремной судьбе произошло еще одно событие — поразительное: на сто пятьдесят четвертый день — через пять месяцев! — он был переведен из одиночки в многоместную камеру! Камера была невелика, скорее она была тоже крохотной, но теперь он был не один, их было четверо, четверо политических заключенных, трое из которых были закаленными революционерами, членами НДПА с 1965 года — года организации партии. Оказаться в их кругу было подлинной удачей Фариды. Постоянное общение с ветеранами революционного движения стало для него лучшей школой политической грамоты.

В тюрьме Фариду предстояло сидеть еще пять месяцев. Но как непохожи были эти месяцы на те, что он провел один на один с собой! Как насыщены они были открытиями и новыми знаниями, как обогатили Фариду верными представлениями о стране, о народе, о революции! Что он знал о своей многострадальной родине? Знал ничтожно мало — школьные уроки вертелись вокруг дат рождения, правления и смерти королей и их многочисленных родственников. Даже столетие, отмеченное тремя кровавыми попытками англичан покорить горную страну и ее гордый народ, находило в учебных

программах лишь бледное, холодное отражение. Что он знал о народе и вековой эксплуатации его феодалами и религиозной верхушкой? Что он знал с рабочем, несущем на своих плечах непомерный груз рабской доли? Что он знал об афганском крестьянине — чуть ли не самом бедном и забитом существе на свете, человеке, до сих пор пользующемся лишь сохой да кетменем? Что он знал о детях, тысячами умирающих в горных селениях от болезней, грязи и недоедания? Что он знал об униженном положении женщины?

Знал мало. А точнее — не знал ничего.

Откуда же он мог об этом знать? Официальная пропаганда — газеты, радио, книги, да и школьная программа не касались жгучих социально-политических проблем. Их как бы не существовало, они как бы не кровоточили. Однако в стране уже давно были люди, которые не только знали все это, не только видели средневековый мрак, в котором находилась их родина во второй половине XX столетия, но и самым решительным образом намеревались изменить такое положение, сдвинуть страну с мертвой точки, вывести из феодального застоя. Такими людьми были члены Народно-демократической партии Афганистана, люди, вокруг которых со временем стали объединяться широкие слои населения и прежде всего передовые рабочие, интеллигенты, студенческая молодежь, прогрессивно настроенные армейские офицеры, учащиеся лицеев... Партия вырабатывала революционную программу, провозглашала цели, существом и сердцевинкой которых было улучшение жизни народа, искоренение гнета и всех видов эксплуатации человека человеком.

Обо всем этом Фариду рассказывали его новые старшие друзья. Новые устремления всецело поглощали Фариду. Остановить этот стремительный процесс духовного обогащения, а вернее — духовного раскрепощения в подлинном значении этого слова, уже не могло ничто. Если бы его невольные учителя знали, на какую благодатную почву ложились зерна революционных истин, преподаваемые юному соседу по камере!

К устным политическим урокам вскоре прибавились книги. Опытные революционеры имели обширные конспиративные связи, и неведомыми для Фариду путями в камеру стали доставляться книги — даже марксистская

литература! Здесь, в тюремной камере, Фарид впервые познакомился с работами Владимира Ильича Ленина. Книга, изданная на фарси, переходила из рук в руки, по ней сверяли тактику и стратегию революционной борьбы, а Фарид над ленинской фразой учился мыслить. Однажды в камере появилась «Как закалялась сталь», также изданная на фарси. Эта книга оказала небывалое эмоциональное воздействие на Фариду — он вскоре знал ее чуть ли не наизусть...

При всей похожести тюремных дней в их течении были свои пороги, свои перекаты.

Фарид как-то увидел на полу камеры воду — целую лужу. Он, возможно, и не обратил бы на нее никакого внимания, если бы не странный гул, раздававшийся откуда-то из-под пола.

Связав гул и воду, Фарид убедился: что-то произошло, вода прибывала, лужа постепенно расплзалась по всему полу, захватывала их крошечное жизненное пространство.

— Смотрите, — сказал Фарид задремавшим товарищам, — произошла авария, нас начинает заливать.

— Может быть, под нами открылся артезианский колодец? — мрачно пошутил один из заключенных.

— Возможно, где-то растаял снег, — предположил другой.

Вскоре, однако, им стало ясно: ни грунтовые воды, ни снег здесь ни при чем.

Весь пол уже был не просто повышенно сырым, а мокрым, а еще через полчаса вода покрыла его тонким слоем и продолжала прибывать.

Заключенные испугались не на шутку: если это авария, то почему никто не принимает никаких мер, а если не авария, то тогда что же?

С наступлением темноты вода в камере поднялась уже на 25—30 сантиметров. Они стали неистово стучать в дверь, звали надзирателя, но все было бесполезно: на их зов никто не откликнулся. А вода поднималась! Вот она уже коснулась их топчанов — если бы те не были прикреплены, они бы поплыли. Полметра! Заключенные взобрались на узкий, каменный подоконник — сюда ледяное озеро еще не поднялось. Они сидели на подоконнике и не знали, что предпринять... Когда вода подня-

лась на метр, один из старших товарищей сказал Фариду:

— Это не авария. Это месть тюремщиков: они специально затопливают нашу камеру, чтобы сломить нас.

Уровень воды действительно достиг метра — так, чтобы нельзя было ходить и лежать, а можно было только висеть на подоконнике, задыхаясь в сырости, — и остановился. Издевательство началось.

Они сидели на подоконнике сутки. Потом вторые. Ноги и руки затекли, онемели, суставы жгло от холода. Никогда Фарид не думал, что такой вид казни может существовать и что ему придется его испытать.

Это повторялось несколько раз. Камеру затопляли через три-четыре недели. Каждый раз это приводило к тяжелому простудному заболеванию хотя бы одного из них. Каждый раз это надолго подрывало здоровье каждого. И, как надеялись палачи, особенно должно было сказаться на здоровье в будущем. «Туберкулез-то уж мы вам гарантируем», — посмеивался самый ненавистный из надзирателей...

Так прошли еще 150 дней заключения.

15 марта 1977 года — ровно через 10 месяцев — десятиклассник Фарид Маздак был освобожден из тюрьмы Дехмазанг.

Это был, конечно, Фарид, и каждый, кто увидел бы его у тюремных ворот, сказал бы: это невероятно похудевший, изможденный Фарид, но это все же был уже другой человек. Фарид, входящий в тюрьму, и Фарид, ее покидающий, — разные люди...

Кабул, 22 февраля 1980 года

Солнце могло осветить Кабул, только поднявшись над величайшим каменным «узелом земли» — местом встречи Гималаев, Куньлуня, Памира и Гиндукуша. Преодолев этот барьер, солнце заливало светом столицу и всю страну. Это происходило, однако, лишь в том случае, если оно не встречалось с другим давним противником — облаками. Сегодня небо было чистым, свет золотистым, а воздух прозрачным, как сам свет. Поверить в то, что вчера над Кабулом висел тяжелый, мокрый мрак, было почти невозможно: сегодня все сияло!

Фарид прошел по плоским, отполированным камням дорожки, проложенной между палисадником и стеной особняка, свернул к порогу и остановился.

Около двух месяцев назад, после 27 декабря 1979 года, когда этот особняк уже стал местом легальной работы Центрального Комитета* ДОМА, здесь, рядом с этим порогом, на плоских камнях, было совершено кровавое преступление. Так же, как и сейчас, примерно в шесть часов утра с улицы раздался выстрел. Активист ДОМА Дауд Мохаммед, стоявший в ту ночь на посту, был убит. Фарид находился в здании. Услышав выстрел, он сбежал вниз и бросился к упавшему Мохаммеду.

Парень был мертв. Пуля попала в голову. Стояла тишина, вокруг разливался утренний свет, и на каменной декоративной стене, прямо напротив места убийства, чешую из слюды сверкали разноцветные каменные рыбки.

Каждый раз, вот уже почти два месяца, подходя к порогу особняка, Фарид вспоминал Дауда Мохаммеда, и воспоминание тяжелым толчком отзывалось в его сердце. А сегодня, в такое же ясное раннее утро, он вспомнил убийство с особенной силой и болью.

Почти всю ночь он не спал. С наступлением темноты в городе начались беспорядки. Размах погромов, устроенных бандитами и наемниками, еще не был известен, но возле отеля «Кабул», например, был подожжен кинотеатр, на Шаринау душманы открыли пулеметную стрельбу, а несколько автобусов и легковых машин, перевернутых колесами вверх, пылали на улицах города, как костры.

После первых же сообщений о событиях Бурхан Гияси, Фарид, другие секретари ЦК и активисты ДОМА, находившиеся в особняке, организовали оперативный штаб и, связавшись с ЦК НДПА, городским комитетом партии и народной милицией, стали готовиться к организации сопротивления. Ночью большинство из них, рискуя жизнью, объехали и обошли тех, кто жил на окраинах и еще не знал о событиях, предупредили о явке в ЦК, о предстоящих действиях. Фарид, конечно, уже хорошо знал, чем вызвано оживление врагов, какие события внешнего мира подтолкнули душманов к выступлению против революционной власти, против тех, кто принял

---

* Ныне Исполком ДОМА.

революцию и поверил в нее. Таким событием, вернее, поводом, безусловно, был прежде всего пресловутый ультиматум президента США Картера. Ультиматум называл срок вывода из страны ограниченного контингента Советских Вооруженных Сил, направленных в Афганистан, как известно, по просьбе законного правительства ДРА для оказания помощи в отражении внешней агрессии. Срок ультиматума истекал именно в эти дни — вот в чем было дело! И тут все те, кто под руководством китайских, американских и египетских инструкторов прошел специальную подготовку в пакистанских лагерях и на базах в Мирам-Шахет, Чирате, Варееке, Кветти, Парачинаоре, Джобе и других местах Пакистана и Китая, а также те, кто давно значился в числе самых отпетых уголовников, начали теперь в строгом соответствии с заокеанским ультиматумом наглые действия. Послушные своим тайным и печально известным главарям, таким, например, как Гульбедин Хикматьяр, вооруженные автоматами и другим оружием, доставляемым китайцами по Каракорумскому шоссе, бандиты пытались сеять страх и панику среди жителей Кабула, компрометировать революционную власть и склонить на свою сторону тех, кто еще не определился в своих взглядах.

Все это было заблаговременно спланировано, и громы вышли на «оперативный простор».

Фарид поднялся на второй этаж особняка, в свою комнату, где стоял письменный стол и столик для традиционного угощения чаем, взглянул на огромную цветную фотографию Красной площади в Москве — другой, далекий мир! — и включил радио. Диктор читал последние известия, а затем приступил к повторению заявления правительства ДРА.

«...путем ведения необъявленной войны, — слушал Фарид, — засылая вооруженные группы наемников в Кабул, продолжают подстрекательства, диверсии, агрессию и массовые убийства миролюбивых людей Афганистана... Согласно последним данным в отелях «Джамиль», «Метрополь», «Пак» и «Кишталъ», а также в других районах города арестованы агенты ЦРУ, пакистанские диверсанты и шпионы, захвачены места их сосредоточения вместе с их вооруженными подручными — убийцами...» Фарид увеличил громкость: «...по данным

органов безопасности, вчера в Кабуле арестованы десятки шпионов... при них обнаружены радиотехника, оружие, крупные суммы денег в иностранной валюте. Дорогие, благородные соотечественники!..»

В комнату вошел один из самых молодых активистов ДОМА, вместе с другими ребятами дежуривший всю ночь в помещении ЦК. Он поздоровался с Фаридом и проговорил:

— Приехал товарищ Гияси. Он собирает всех.

Фарид тут же направился к первому секретарю.

Бурхан проговорил быстро, без вступления, словно они не расставались даже на минуту:

— ЦК партии поставил перед нами конкретную задачу: организовать и направить на жизненно важные объекты — водонапорные башни, хлебозавод, элеватор — наших лучших активистов. Они должны помочь членам НДПА и работникам народной милиции в охране объектов от диверсантов. Ты уже, конечно, знаешь, — взглянул он на Фариду, — что ночью, перед рассветом, душманы попытались оставить без воды некоторые кварталы города. Царандой помешал этому. Есть и другие факты, — с возмущением добавил он.

Бурхан прошелся по широкой комнате и остановился у холодного огромного камина. В кабинет один за другим входили ребята. По их тревожным, напряженным лицам было видно, что многие из них, так же как и Бурхан и Фарид, почти не ложились в эту ночь.

— Значит, так, — проговорил Гияси внезапно, — наш штаб начинает действовать.

Он повторил то, что сказал Фариду, и определил общие задачи.

— Группы наших активистов, — сказал он, — должны будут действовать в двух направлениях: пропагандистском и практическом. Первое означает следующее: всюду, где только необходимо, мы должны разъяснять людям политику партии, распространять среди людей обращение правительства...

— Которое уже передают по радио, — вставил Фарид.

— ...да, которое уже передается по радио, но его необходимо довести до каждого, а также раскрывать людям глаза на то, кто стоит за спиной тех, кто занимается террором и провокациями.

Фарид слушал Бурхана и думал о том, как много зависит сейчас от ребят, которых они объединили недавно вокруг районных комитетов ДОМА Кабула, от всех тех, кому теперь предстоит оказаться в гуще событий и на кого возлагается ответственное и опасное задание — защищать революцию не вообще, а конкретно, с оружием в руках и под прицелом оружия душманов. Фарид прикидывал, какими силами ЦК ДОМА располагает.

— Вторая задача, — продолжал между тем Гияси, — второе направление, в котором должны действовать отряды революционной молодежи, — это помочь членам партии, народной милиции и силам безопасности в выявлении и нейтрализации террористов, провокаторов, агентов ЦРУ. Нам, — взглянул он на Фариду, — необходимо также создать при ЦК группу информации. Пусть эта группа займется сбором сведений и их оперативной обработкой. В обобщенном виде информацию нужно будет передавать в партийные организации и штабы народной милиции.

— От нас ждут конкретной помощи, — заявил секретарь ЦК. — У кого есть предложения?

Фарид не стал терять драгоценных минут и проговорил:

— Мы можем создать сто тридцать — сто пятьдесят групп.

— Численность групп? — спросил Гияси.

— Пять-семь человек в каждой, — ответил Фарид.

— Это реально? — спросил кто-то. — И когда это можно сделать?

— Реально, — твердо сказал Фарид. — А сделать это можно и необходимо сегодня.

— Сто пятьдесят групп, — подвел черту Гияси. — Принимаем.

В этот момент зазвонил телефон. Бурхан обошел широкий стол, снял телефонную трубку и сказал:

— Гияси у телефона.

Несколько секунд он слушал молча, а затем проговорил:

— Понятно. Нет, нет, запомню, с 20.00. Так, до 4.30. Ясно.

Он придерживал трубку плечом, взял лист бумаги, ручку, но записывать не стал.

— Все возможно, — ответил невидимому собеседнику. — Да. Наши товарищи разъезжаются сейчас по городу, по всем районам. Будут формироваться сто пятьдесят отрядов. Да. Учтем.

Он положил трубку и сказал:

— В городе вводится военное положение. Министерство внутренних дел объявит об этом в ближайшее время. Положение предусматривает комендантский час с 20.00 до 4.30, сдачу оружия в течение 24 часов всеми, кто не имеет права на его ношение, и другие меры. В связи с этим, — он снова взглянул на Фарида, — решите вопрос с паролем для наших активистов, и как можно скорее.

Снова зазвонил телефон.

— Да, — сказал Гияси, — здравствуй, Хамид. Слушаю.

Фарид понял, что звонит Хамид Барно — преподаватель политехнического института, один из самых преданных активистов и, кроме того, давний друг лидеров ДОМА.

— Приезжай, — сказал Гияси. — Да, конечно, нужен.

— Хамид говорит, — обратился Гияси к сидящим в кабинете, — что почти никто из студентов не явился на занятия. Из тридцати студентов его группы пришли двое.

— Это нетрудно объяснить, — тихо проговорил Фарид. — Весь вечер и половину ночи в городе стоял шум, и многие родители не выпустили детей из дома. Тактика известная: лучше переждать.

— Возможно, что так, — сказал Гияси. — Но есть и другие причины. Они в самих студентах. По крайней мере, в некоторых из них. А у нас до институтов, до университета не доходят руки. Дело необходимо поставить так: студенты-пропагандисты, студенты-активисты ДОМА, кроме работы на предприятиях и в школах, должны повернуться лицом и к своим собственным группам, заняться политической работой в аудиториях, в общежитиях, даже в семьях! Мы должны направлять этот процесс, не давать емуглохнуть. Когда сдаем позиции мы, их занимают враги революции.

В течение последующих десяти минут в ЦК ДОМА позвонили сразу несколько человек. Каждый предлагал

свою помощь, заявлял о готовности выполнить любое поручение. Это были отличные, преданные делу революции люди, которых Фарид, и Бурхан, и другие члены ЦК давно знали и на которых можно было во всем и всегда положиться. Но звонили и незнакомые!

Уезжая из ЦК, Фарид подумал, как много истинных революционеров, честных и самоотверженных бойцов за дело Апрельской революции поднялось и еще поднимется в эти часы и дни на борьбу с врагами. Он подумал, как сильна, в сущности, революция, когда повсюду есть такие люди, и как важно, что их единство, солидарность и воля проявляются именно в такие моменты, в дни, когда над завоеваниями революции нависает угроза.

«Без этих людей, — повторил с убежденностью Фарид — нельзя никак. И чем они моложе сегодня, — уже с максималистской горячностью подумал он, — тем лучше. Революцию придется защищать и завтра и послезавтра. Только в сказках все свершается в один день».

Это последнее утверждение говорило о заметном повзрослении самого Фариды, его новом опыте. Ведь еще недавно он, Фарид, с нетерпимостью относился ко всем, кто говорил о тактике долгой революционной работы («И это уже после свершения революции!» — недоумевал Фарид), о трудностях внедрения революции в жизнь. Фарид, как и многие его сверстники, принимал желаемое за действительное и безоговорочно считался лишь с фактом свершения революции, игнорируя при этом многое из того, что сопутствует революционным преобразованиям, что отчаянно и долго сопротивляется. Что же, через подобные заблуждения, вернее, нестерпимое желание сделать все моментально, сразу, одним махом, тоже прошли многие, не один Фарид. Важным было, однако, то, что новые и новые уроки, которыми изобилует жизнь, ослабляли опасные заблуждения, превращались в душах молодых революционеров в новый опыт, тот бесценный опыт, который отрезвлял и заставлял размышлять, думать, грамотно и ответственно действовать.

В сознании Фариды этот опыт уже работал.

Улицы Кабула были залиты ослепительным солнцем, на перекрестках встречались бронетранспортеры народной армии, наряды милиции. Вооруженные патрули про-

вертели багажники автомашин. Грохот низко летящих вертолетов заставил Фарида взглянуть вверх — с вертолетов сбрасывали розовые и синие листовки. Сделав круг над центром города, вертолеты разворачивались и заходили на новый круг. На нескольких улицах Фарид увидел следы ночных бесчинств наемников и контрреволюционеров — сожженный автобус, книжный магазин с выбитыми стеклами. У одного из районных комитетов НДПА, где располагался и райком ДОМА, Фарид услышал автоматную стрельбу, в переулке столпились люди, затем опять потянулись пустые тротуары. Проехав, по существу, через весь Кабул, Фарид ясно увидел, что положение в городе, безусловно, контролируется революционными силами, но вместе с тем Фарид не мог не почувствовать напряжения, возбуждения, которыми были охвачены некоторые люди, не мог не заметить тех, кто был готов к новым провокациям. Видел Фарид и людей просто-напросто обманутых.

Он приехал в Кабульский провинциальный комитет ДОМА как раз вовремя: ребята не могли дозвониться до ЦК — единственный телефон был безнадежно занят.

— Фарид, — с облегчением встретил его Шахбуддин Сарманд, — наши ребята явились с интересными сведениями.

— Какими сведениями? — спросил Фарид.

— Повтори, — кивнул Шахбуддин шупленькому пареньку у окна.

— Знаете ресторан напротив пакистанского посольства? — спросил тот у Фарида.

— Знаю, — ответил Фарид.

— Мы наблюдали там за двумя подозрительными посетителями.

— И что вы увидели?

— Они по пять-шесть раз в час — не будет же человек столько раз есть — заходили в ресторан, и каждый раз, когда они заходили и садились за стол, к ним подходили новые и новые люди, шептались, прятали свертки.

— Кому вы об этом говорили?

— Вам и вот ему, — показал парень глазами на Шахбуддина. — Мы только что пришли.

— Ясно. Свяжитесь с силами безопасности, — ска-

зал Фарид. — Поручи это кому-нибудь сделать сейчас же, — обратился он к Шахбуддину.

— Хорошо, — сказал Шахбуддин.

— А кто-то их может показать? — спросил Фарид у парнишки.

— Конечно, — ответил тот. — Наши продолжают наблюдать за ними.

— Все? — обратился Фарид к Шахбуддину. — Распорядился? Теперь давайте приступим к формированию отрядов.

Они сели вокруг стола и приступили к делу.

Когда Шахбуддин и другие члены провинциального комитета рассказали о своих планах, а Фарид одобрил их, в дверь постучали. Высокий худощавый парень с автоматом, охранявший вход в комитет, доложил:

— Пришли из авторемонтных мастерских.

При этих словах у Фариды потеплело на сердце: он понимал, что «его» мастерские, место его первой революционной практики, находятся совершенно в ином районе Кабула, но само название мастерских отозвалось в его сердце, как имя близкого человека.

— Что-то срочное? — спросил Шахбуддин.

— Спрашивают, не нужна ли их помощь.

— Сколько их человек? — спросил Фарид.

— Ну, десять, — неуверенно проговорил часовой. — А может, и пятнадцать.

— Вот видите! — радостно сказал Фарид. — Два внеплановых отряда готовы!

Он поднялся из-за стола и направился к выходу.

— Шахбуддин, — прощаясь, обратился он к старому товарищу, — ты руководи отсюда, а я проеду с твоими ребятами по кварталам, помогу на месте. И вот что, — задержался он на пороге. — Как только отряды будут готовы — вернее, по степени готовности каждого, — тут же сообщай об этом в провинциальный комитет партии, чтобы их сразу можно было отправить на посты И в ЦК ДОМА, — добавил он.

«Удивительно, — мелькнуло в голове Фариды, — удивительно, как быстро я, в сущности, привык к тому, что произношу имя Шахбуддина Сарманда, как будто он по-прежнему с нами и как будто он жив, и все время рядом». Шахбуддин Сарманд, активист ДОМА, бы

зверски убит аминовцами, а его имя — в память о нем — взял секретарь провинциального комитета. «Ноя привык. И другие привыкли», — подумал Фарид, сажаясь в машину...

В одном из комитетов он увидел такую картину: секретарь сидел за столом, рядом со столом на полу лежали старые винтовки, и каждому, кто входил в комнату, секретарь давал оружие и говорил: «Присоединяйся к другим товарищам, они уже дежурят на улицах».

— Куда ты их направляешь? — спросил Фарид спокойно.

— Как куда? — удивился парень. — На улицу.

— Зачем?

— Дежурить. Мне звонили из ЦК. Мы и организовали активистов. Теперь они идут дежурить возле мечетей, в общем, туда, где народ.

Фарид спросил:

— А у них есть руководитель? Назначен старший?

— Нет. Они же не могут быть все вместе.

— А ты с товарищами из райкома партии говорил? Советовался?

— У них свои активисты. При чем здесь наши?

— Ты знаешь, куда разбрелись твои люди?

— Ну, по кварталу.

— Немедленно собери ребят вместе, — сказал Фарид. — Всех, до одного человека. Назначь старшего, а лучше всего стань старшим сам... Свяжись с партийным руководством. Товарищи тебе скажут, какие объекты охранять и где дежурить. Сделай это срочно. Срочно, — повторил Фарид. «Хорошо, если никто из ребят еще не пострадал, — подумал он, — станут разгуливать по одному... Душманам это и нужно».

В последнее время Фарид нередко думал о том, как мало у них, в сущности, настоящего опыта и навыков в работе, как не хватает четкости и даже простого понимания задач. «Но, с другой стороны, — думал он, — откуда этому опыту взяться? Что, его преподают как математику? Или как географию? Повезло тем, — размышлял он, — кто хоть какое-то время был рядом со старшими революционерами — отцом, братом, другом. А остальным приходится всему учиться на ходу. Да и тем, кому повезло, тоже ведь не все удастся сразу —

жизнь и революционная работа требуют новых знаний каждый день. Здесь нельзя пользоваться лишь тем, что заучил однажды и на всю жизнь. Нельзя, не получиться... Вот и учись новому, — заканчивал он, как правило, свои рассуждения, адресуясь к самому себе. — Тебе понастоящему повезло — ты учился у политических заключенных, учился у подпольщиков, учился на собственном опыте и продолжай учиться у революции каждый день, каждый час. Примеров много. И революция — твой постоянный урок».

...В ЦК ДОМА Фарид возвращался в сумерках. К шести часам вечера он побывал в большинстве районов Кабула. Он встречался с десятками активистов, секретарей, помогал организовывать отряды революционной молодежи, выбивал недостающие винтовки, связывался с районными и городскими комитетами НДПА, согласовывал дислокацию новых и новых отрядов и почти каждый раз сопровождал ребят в те районы, где в них нуждались больше всего... Сейчас, как никогда раньше, он с особой силою ощущал, как самоотверженно и с какой отдачей работали тысячи и тысячи революционеров — от генерального секретаря партии до юного активиста ДОМА, как трудилась вся партия и каждый отдельный честный человек, и понимал, что именно в этих усилиях выплавляется главный щит революции, ее броня. Проезжая по центральным улицам, он видел, что военное положение уже вступило в силу, важные объекты города охраняются усиленными нарядами работников народной милиции, вооруженными активистами НДПА, видел он и ребят из ДОМА, ребят, организованных и с его, Фариды, помощью...

Он сидел в машине и испытывал невероятную, тяжелую усталость и боролся с ней. Он знал, что усталость нужно побороть, победить, а когда ее победишь, наступит второе дыхание, придут новые силы, которых в человеке никогда не исчерпать, если они тратятся на священное дело революции, и можно будет снова работать, действовать, говорить, добиваться, советовать, внушать, не соглашаться и ехать туда, где ты сейчас нужен.

У мечети Масджеде Поле-Хешти он увидел, как двое работников сил безопасности вели пятерых душманов, один из которых заламывал над головой руки и театрально рыдал.

Долгий, бесконечный день догорал на заснеженных вершинах Гиндукуша.

Фарид вернулся в ЦК ДОМА. Войдя в кабинет Гияси, он увидел: все в сборе. Он приехал последним.

— Ну, вот и ты вернулся, — проговорил Бурхан. — Мне-то, конечно, звонили, но я иногда по часу не знал, где ты. Садись. Подведем итог дня и наметим план на вечер и ночь.

Фарид присел на свободный стул у окна.

— Сегодня, — проговорил Гияси, — наши активисты помогли задержать около восьмидесяти душманов. Душманы не просто находились в Кабуле и сидели, например, в отелях. Нет, они энергично действовали, были в гуще дезориентированных людей, подстрекали к погромам, убийствам честных мусульман. Для тебя, кстати, Фарид, тут поступила особая информация: в ресторане напротив пакистанского посольства работниками сил безопасности схвачены восемь иностранных террористов. Они были тесно связаны с нашими внутренними контрреволюционерами. В ресторане они устроили свою явку!

Фарид с удовлетворением кивнул головой и вспомнил парнишку, от которого впервые услышал об этом в кабинете Шахбуддина Сарманда.

— На элеваторе, — продолжал Гияси, — активистами ДОМА усилены наряды народной милиции. На водокачках, возле хлебозавода, у телеграфа, на автобусной станции, у дуканов, торгующих хлебом, наши активисты также стали рядом с активистами партии. Это хорошо. По нашим сведениям, около тысячи четырехсот человек уже вышли на дежурство. Но, — сделал он секундную паузу, — обстановка требует большего числа людей. А кроме того, нам следует приступить и к срочной организации женского революционного отряда. Кто лучше учениц лицеев, наших активисток, сможет вести сегодня разъяснительную работу в семьях, на дому? Никто. Фарид...

— Ясно, — кивнул Фарид. — Это важный резерв.

— Срочно нужны и ребята с хорошей дикцией. Где, кстати, Джалиль Ахмед?

— Он уже занят на телевидении.

— В общем, нужны чтецы. С завтрашнего дня горком партии дает нам две радиофицированные машины для работы на улицах города... Дальше...

Наступила глубокая ночь. Они остались вдвоем: Бурхан и Фарид. В кабинете было накурено и холодно. Бурхан сел на диван, провел рукой по лбу и тихо проговорил:

— Надо подробнее продумать завтрашний день...

Фарид сидел, как всегда, прямо, даже как-то прямолинейно, обхватив локти ладонями.

— Надо, — согласился он.

— А сил нет, — виновато улыбнулся Бурхан.

— Через час должны появиться, — сказал Фарид. — Нужно поспать. Ровно час.

И он первым подал пример: прикрыл глаза.

«Интересно, — подумал он, соскальзывая в синюю воду сна, — что там у нас сейчас дома? Опять они за меня переживают, особенно мама... А ведь мы находимся в одном городе... Но ведь недавно я тоже был в этом же городе... А сколько времени не переступал порог своего дома? Сколько?..»

Биография

Новое испытание, выпавшее на долю Фариды Маздака уже после революции, новое его заключение, было достаточно своеобразным: на этот раз он не был арестован, не сидел в одиночной тюремной камере и не слышал привычного: «Шакал, есть хочешь?» Он находился в просторной тихой комнате, где стояли кровать и стол и было высокое светлое окно без решетки. Но и эта комната, и этот дом на улице Саед Нур Мухаммед Шах Мин были все же местом его заключения, так как здесь он скрывался от новой тюрьмы.

Если бы Фарид появился на пороге этого дома в дневное время, он был бы тут же арестован аминовскими агентами. Он хорошо знал: его повсюду ищут. Квартира родителей была взята под особое наблюдение и охрану — у входной двери дежурил солдат. Отца не выпускали даже на работу! Мать и детей — в дуканы.

Каждое утро, просыпаясь в чужой комнате, особенно в первые дни, Фарид еще надеялся, что все то, что произошло и происходило после его возвращения в Кабул из Гаваны, с XI Всемирного фестиваля молодежи и сту-

дентов, — сон. Абсурдный и тревожный сон. Но надежда на сон оказывалась мимолетной. В следующий миг пробуждения он уже ясно понимал, что это не сон, а действительность. Еще через мгновение он ощущал, как наполнялось тяжестью его сердце и оставалось тяжелым до нового забытья...

Фарид скрывался в доме своего приятеля — преподавателя лица Садика Герена, с которым в одно и то же время они вступили в ряды НДПА. Садик рисковал невероятно: его домом уже явно интересовались ищейки, кружились неподалеку. Однако ситуация не оставляла вариантов: до тех пор пока не было подобрано более надежного убежища, Фариду, по существу, некуда было направиться. Он находился в доме Садика, и его жизненное пространство ограничивалось четырьмя стенами комнаты днем и четырьмя стенами дома — ночью.

Худшим временем суток было утро, когда Садик отправлялся на работу, а Фарид оставался один. Он старался читать, но события, происходящие за стенами дома, неопределенность его собственного положения, тревога за родных не позволяли сосредоточиться на книгах. И потом, если раньше, в тюремной одиночке, ему, совершенно неопытному, обескураженному невероятной переменой в жизни юноше, приходилось в поисках опоры преодолевать психологические и физические преграды, такие, как одиночество, оторванность от дома, голод и холод, то теперь перед ним, уже достаточно опытным, чрезвычайно деятельным человеком, одним из руководителей молодежной организации страны, возникали совершенно иные проблемы. Он постоянно размышлял над сущностью классовой борьбы, думал о процессах, происходящих в стране, и судьбе революции, о непредсказуемых ситуациях в судьбах людей и каждого отдельного человека.

Эти размышления, эти преодоления, связанные с поиском важнейших истин, во многом формирующих политическое и гражданское мировоззрение человека, не могли, конечно, идти ни в какое сравнение с той работой, которая происходила в сердце и сознании Фариды раньше. То, с чем он сталкивался во время своего первого жизненного испытания, в конечном счете преодолевалось и побеждалось собственной силой воли, лич-

ной силой, которая почти всегда зависит от тебя самого и ни от кого больше. Смог ты ее в себе обнаружить, поднять, сохранить и закалить или не смог: расслабился, потерялся, сник, сдался — это зависело главным образом от тебя. Здесь же борьба, поиск истин и определение собственного места в жизни велись уже на иных высотах, поиск требовал иных знаний действительности, иных усилий и — самое главное — глубокого понимания, ощущения твоей нерасторжимой связи с борьбой и усилиями миллионов людей — народом. Вот в чем заключалась разница. Вот что составляло суть его новых размышлений.

В положении подпольщика Фарид оказался неожиданно. Семь дней назад произошло следующее.

В десять часов пятнадцать минут вечера, когда Фарид и двое его товарищей, отгородившись от домашних, занимались своими делами — обсуждали ситуацию, сложившуюся в ДОМА, — в дверь сильно постучали, и незнакомый голос потребовал немедленно отворить затвор. Дом Фариды был местом подпольных встреч, но кднспирация, к которой они прибегали, казалось бы, не давала аминцам повода для подозрений. Однако наглый стук в дверь в такое время суток заставил Фариду подумать о худшем. И он не ошибся.

В жизни бывает много невероятных случайностей. Одна из них произошла через секунду: брат Фариды Рафи, младше его на три года, первым вскочил из-за стола и направился к двери. Он открыл дверь, шагнул в темноту и... исчез.

Когда Фагир Мохаммад, глава семейства, их отец подошел к порогу, чтобы выяснить, в чем дело, Рафи уже нигде не было. Отец позвал сына, но никто не ответил. На улицу тут же выскочил и старший из братьев — Яр, однако и он не нашел Рафи. Внезапно к ним подошла соседская девочка и сказала, что она видела, как на Рафи надели наручники, затолкали в машину и увезли. «Их было трое, — сказала она, — но я их, конечно, не рассматрела».

Яр и Фарид, так же как и его товарищи, поняли, в чем дело: аминцы приезжали, конечно, за Фаридом, а не за его братом, но в потемках сыщики не разобрались, что Рафи не Фарид, и поскольку Рафи был поразительно похож на Фариду, его схватили не раздумывая.

Наверняка они обалдели от радости, что он им так легко достался.

В первые несколько секунд Фарид не знал, что делать, как вести себя дальше. Но растерянность была недолгой. Он сказал:

— Сейчас там разберутся, что к чему, поймут свою ошибку и бросятся за мной. Нам надо всем немедленно отсюда уходить. Ваши дома, — обратился он к своим товарищам, — еще, по-моему, вне подозрений. Поэтому отправляйтесь к себе. А я, — помолчав, сказал он, — должен пробираться на самую окраину. Подходящий дом там есть... И потом есть дом Садика Герена...

Они быстро сложили бумаги, записи, томик Ленина на фарси и собрались в дорогу.

Фарид взглянул на Яра, на отца и на мать, напуганную происходящим больше всех, и сказал:

— Не переживайте, Рафи скоро вернется. Он ведь мальчишка, его отпустят.

— А ты, — спросила тихо мать, — уже взрослый? Ты и в тюрьму на целый год попал взрослым?

— Но у меня нашли листовки, — проговорил Фарид, притрагиваясь к руке матери, — меня видели, когда я их распространял. Пошли, — твердо сказал он друзьям, обрывая тяжелый разговор с матерью. — Будет поздно.

Уже перед дверью он оглянулся и увидел Фарди — самого младшего своего брата.

— У меня к тебе большая просьба, — сказал он.

Когда Фарди подбежал к нему, Фарид обнял его за плечи, отвел в сторону и спросил:

— Ты знаешь, где дом Шахбуддина Сарманда?

— Знаю, — кивнул Фардин.

— Надо сбегать к нему и рассказать о том, что случилось. Главное же, ты скажи ему, чтобы он ни в коем случае не приходил в наш дом. «Остальных Шахбуддин предупредит сам», — подумал Фарид. (Шахбуддин Сарманд будет вскоре зверски убит аминовцами, а его имя, как уже говорилось, в память о нем возьмет один из активистов ДОМА.)

После разговора с Фардином, Фарид кивнул отцу и Яру, улыбнулся матери и вышел на улицу. Его друзья попрощались с ним в темноте: он запретил им идти с ним. Покидая отчий дом, Фарид, как и в первый раз,

когда был арестован и заключен в тюрьму Дехмазанг, не мог, конечно, знать, на сколько времени он его покидает и сколько времени пройдет, прежде чем он сможет переступить его порог снова, вернуться под его крышу и увидеть своих родных. Он думал, что уходит на две-три ночи. Он не знал, что в тот же вечер его ближайшие товарищи — люди из прежнего руководства ДОМА уже тоже были арестованы. Он не знал, что стоит у начала новой дороги, идущей над самой пропастью, дороги, длиною во много ночей и дней, недель и смертельно опасных месяцев.

Он ступил на эту дорогу с надеждой, не ведая сроков и страха.

И вот шел седьмой день его новой жизни — жизни подпольщика. Сегодня его друзья должны были решить проблему укрытия — более надежного и более доступного для тех, кому предстояло работать с ним и дальше в условиях подполья. Сегодня Фарид должен был покинуть Кабул. Бурхана Гияси, как уже знал Фарид, удалось переправить через границу — попытка репрессировать первого секретаря ЦК ДОМА аминовцам не удалась. Он же, Фарид Маздак, один из секретарей молодежной организации, находился еще рядом, под рукой, в Кабуле, — его надо было только обнаружить! Если ему не удастся укрыться в недостижимом для предателей дела Апрельской революции месте — его участь будет решена без промедления. Это было хорошо известно и самому Фариду, и его друзьям, соратникам по борьбе. Террор, превратившийся вскоре в государственную политику Амина, набирал силу и проявлялся во все более открытой форме.

План ухода Фарид из Кабула был разработан самым тщательным образом. О его последнем варианте знали лишь два человека. Фарид ждал их с минуты на минуту. Он сидел за столом, покрытым скатертью, — стол стоял перед высоким, светлым окном и смотрел на горы. Горы! Какими белыми и сверкающими они были в этот день, какими великими и суровыми казались их вершины и как недостижимы были в своем величии. Фарид, как и большинство людей, родившихся и выросших в горах, в окружении вершин и скал, не мог не думать, что горы — это лучшее, что создано дикой природой на земле, а их вершины — самое величественное,

грозное и непостижимое, что человеку выпадает увидеть в своей жизни. С таким сознанием горец рождается и умирает. И Фарид не составлял исключения. Но лишь до тех пор, пока вдруг не оказался в самолете над великим Атлантическим океаном и пока не увидел его ошеломляющую, но живую беспредельность, стоя на гаванской набережной Малекон. Фарид был счастлив, представляя на острове Свободы свою страну, только что освободившуюся от многовекового гнета, ее революционную молодежь, он был в замечательном настроении, и в эти минуты океан потряс его воображение и заставил испытать неведомое, восторженное головокружение, беспричинное ликование — чувства, которых он никогда не испытывал даже перед самыми великими вершинами его родных гор, ибо привыкал к ним с детства, постепенно, а не увидел внезапно, впервые, как океан. И теперь, глядя на заснеженные, отрешенные пики Гиндукуша, Фарид лишь механически отмечал их величие и их необыкновенное сверкание. И о величии океана, равного величию гор, он тоже не думал, не вспоминал, а если и вспоминал, то лишь мельком, не испытывая при этом и малой доли тех эмоций, которые испытал однажды.

Это не удивляло Фариду. Природа, думал он, наверное, может окружить человека и не такими красотоми, но человек не найдет в них даже малого утешения до тех пор, пока тому делу, которому он предан, и людям, ради которых он готов на все, и, наконец, ему самому угрожает опасность и пока он вынужден с этой опасностью бороться.

Подлинная красота горной вершины или океанской дали открывается, наверное, лишь тому, кто подлинно свободен.

Что происходило за стенами дома, в котором Фарид скрывался от ищеек и ждал друзей? Что произошло в Кабуле и в стране в те дни, когда он и его товарищи — делегация революционной афганской молодежи — находились в Гаване на Всемирном фестивале? И в последующие месяцы?

Произошло многое. Но чтобы это многое можно было представить хотя бы в ограниченном масштабе, следует, видимо, напомнить об основных событиях, происшедших на древней афганской земле в последнее время, а точнее, с того времени, того исторического дня 27 ап-

реля 1978 года, когда в стране была совершена революция.

Провозгласив Афганистан демократической республикой, Революционный совет выступил с заявлением, в котором особо подчеркивалось следующее: революция совершена по воле афганского народа, и все без исключения социальные преобразования нового правительства будут направлены на коренное улучшение жизни народных масс, их благо. В чем же прежде всего необходимы были эти преобразования? В каких сферах общественной жизни требовалось принятие наипервейших, неотложных мер? Увы, во всех. Наследие, полученное от прежних времен, было удручающим.

В течение долгих веков, включая нынешний век, афганский народ находился под двойным, чудовищным гнетом феодалов и реакционного духовенства. Девяносто процентов неграмотных, вопиющее бесправие и бедность крестьян, составляющих большинство пятнадцатимиллионного населения страны, средневековые обычаи, которые существовали повсюду, включая города, примером чего могло служить положение женщины, продаваемой и покупаемой, как и любой другой товар, почти полное отсутствие медицинского обслуживания и так далее — перечень мог бы быть бесконечным. И вот Апрельская революция впервые в истории открывает дорогу к коренному изменению подобного положения вещей, освобождает народ от любых форм социальной эксплуатации и империалистической зависимости, от унижения и гнета, рвет со средневековыми обычаями и поднимает знамя свободы и подлинного равноправия. Революционное правительство не только декларирует новую программу, выработанную за годы деятельности Народно-демократической партии Афганистана, но и приступает к выполнению этой программы.

За короткий срок в стране происходят значительные перемены. Начато осуществление земельной реформы — первого ее этапа: четверть миллиона гектаров земли передано ста сорока тысячам крестьян. Одиннадцати миллионам безземельных крестьян отменены долги, национализированы земли, принадлежавшие королевской знати в больших и малых городах. Открылись новые учебные заведения, а в них — двери для детей бедняков. Женское равноправие закреплено законом. Конеч-

но, это были лишь первые шаги, но и они требовали огромных усилий. Социальные преобразования, затрагивающие многовековые жизненные устои, не могут быть легкими, безболезненными, быстрыми. Как правило, они сопровождаются самыми разными явлениями, настроениями, событиями. Но это есть жизнь — ее движение из вчерашнего дня в завтрашний.

Укреплялся авторитет Народно-демократической партии, множились ее ряды. То же самое можно было сказать и о ДОМА — самом верном помощнике партии — Демократической организации молодежи Афганистана. Активисты ДОМА, следуя примеру членов партии, разъясняли людям политику НДПА, призывали принять личное участие в реализации революционной программы.

Фарид Маздак в те дни не знал усталости — он всегда много и напряженно работал, но и уставал иногда предельно, когда казалось, что все силы исчерпаны на год вперед. А в те дни, в то первое после революции время, для него, как и для Гияси, Сабри, Мазьяра и большинства патриотов, несмотря на колоссальную нагрузку, не существовало даже понятия «усталость». Так высок был их душевный настрой, и так высок был настрой тех, кто окружал их, с кем они строили новую жизнь.

Но перемены эти нравились, конечно, не всем. Не всем! Людей, которым они не понравились, было немало внутри страны, но еще больше их оказалось за ее пределами.

Кто же были эти люди? Внутри страны это прежде всего те, кто лишился своих богатств, «своих» земель, своих вековых льгот, это помещичье-феодалы, эксплуататоры всех мастей и оттенков. Вне страны это те, кто с озлоблением встречает любые прогрессивные революционные изменения в мире, независимо от географии, ибо они подрывают позиции империализма. Это силы международной реакции.

Объединение этих сил — реакции внутренней и реакции внешней — дело, как правило, быстрое. Не потребовало оно долгого времени и на этот раз — не задержалось. И даже не только не задержалось, но, похоже, превзошло все сроки подобных братаний как в далеком, так и в недавнем прошлом. Неудивительно: с первых

часов после революции, после падения режима Дауда за дело взялось опытейшее ведомство: Центральное разведывательное управление США. И тут же еще один допинг: сама администрация Белого дома, по существу, открыто заявила о военной помощи наемникам и контрреволюционным бандам, включившимся в борьбу против революционного Афганистана с территориями Пакистана и Китая, а также тех, кто представлял свергнутые классы внутри страны и тут же бросился на защиту их интересов.

Здесь, видимо, следует сказать и о том, что именно в эти месяцы, в первое послереволюционное время, в стране возникло немало трудностей внутреннего, социально-экономического характера, тех трудностей, которые порождаются революционной ломкой устоявшихся форм жизни, ее уклада, но нередко бывают и результатом ошибок, упрощенного подхода к проблемам, требующим особого обращения, экстремистских крайностей в разрешении социальных противоречий, случаях принуждения и т. д. К такого рода негативным явлениям можно было бы отнести нетерпимое отношение некоторых революционеров к духовенству, к религии, на протяжении многих столетий повсеместно и глубоко укреплявшейся в сознании верующих. Примером такого отношения могли служить, например, отчаянные попытки активистов ДОМА организовать в первое время общегородские субботники в пятницу — официальный выходной день в мусульманской стране, день массовых молитв, когда над Кабулом с особой силой звучат голоса муэдзинов и правоверные тысячами направляются в более чем четырехста мечетей города...

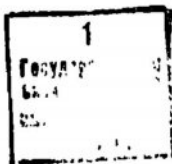
Серьезные ошибки и просчеты в экономической и социальной жизни, однако, не могли бы получить такого размаха, какой они в конечном счете получили, если бы не были обострены, многократно усилены вмешательством извне, действиями сил, враждебных делу Апрельской революции, направляемых международным империализмом. На разбор ошибок, их глубокое и всестороннее осмысление не оставалось сил и времени — события ускорились и усложнились.

Усилия международной реакции уже принесли первые плоды: были спровоцированы беспорядки, во многих провинциях страны совершались акты саботажа,

терроризма. К этому времени и была определена, одобрена самая подходящая для достижения зловещих целей реакции фигура — фигура Хафизуллы Амина. Это был человек, которого хорошо знали в Америке. Первые успешные контакты работников ЦРУ с ним произошли в 1962 году, во время его учебы в США. Все последующие годы профессиональные разведчики США неоднократно общались с ним, пользовались его услугами. И этот человек, человек, ставший вскоре предателем афганского народа, с помощью интриг, обмана и всевозможных ловких ходов вскоре после революции пробирается в руководящие органы Народно-демократической партии, к которой предусмотрительно примкнул еще в первые годы после ее создания Нур Мухаммедом Тараки, и начинает свою черную игру. И вскоре цвет игры становится красным — игра становится кровавой.

Он развернул кампанию против людей, чья преданность делу революции была беспредельной. Он стал на путь раскола, ослабления единства партии, прибегая к постоянной, беспардонной клевете, к провокациям и демагогии. В своих предательских целях он вновь взялся за реставрацию того положения, которое существовало в НДПА на протяжении нескольких лет, когда партия представляла, по существу, два самостоятельных крыла. Несмотря на единство партийных рядов, достигнутое на объединительной конференции незадолго до революции, в июле 1977 года, когда был избран Центральный Комитет во главе с генеральным секретарем ЦК Нур Мухаммедом Тараки (на той же конференции секретарем ЦК и членом политбюро был избран Бабрак Кармаль), Амин вновь, теперь уже после революции, стал разжигать надуманные противоречия, втягивал в свою возню все большее число людей, возвышая одних и принижая, притесняя других. Но теперь, находясь на подступах к верховной власти, он действовал все более нагло и жестоко: многие члены НДПА уже в это время были репрессированы, отстранены от должностей, посажены в тюрьмы и даже расстреляны по его личному указанию.

Процессы, происходящие в партии по вине Амина, болезненно отражались и на общественной жизни страны, на деятельности многих демократических организа-

ций, созданных после Апрельской революции. Прямое воздействие они оказывали и на ДОМА. В организации насаждались люди проаминовской ориентации, а иногда и прямые его родственники, в лояльности которых ему и вовсе не приходилось сомневаться. Так было, например, с его сыном — Абдурахманом. Он объявился на горизонте неожиданно, но сразу же в качестве одного из руководителей делегации афганской молодежи, отправляющейся в Гавану на XI Всемирный фестиваль молодежи и студентов. На аэродроме за 15 минут до отлета самолета к прямым руководителям делегации — Бурхану Гияси и Фариду Маздаку подвели незнакомого парня и сказали: это сын Хафизуллы Амина. Он полетит в Гавану как заместитель руководителя делегации. «Как второй твой заместитель», — подчеркнул тот, кто привез его на аэродром и выразительно посмотрел на Бурхана. На Фариду он даже не взглянул.

Две фестивальные недели пролетели быстро, и настал день, когда их делегация вернулась на родину. Прямо в аэропорту — на этот раз с особым вызовом — опять же незнакомый человек с повадками камышового кота-хауса, заявил Гияси и Маздаку:

— Ваши места заняты.

— Кем? — спросил Бурхан.

— Вот, например, им, — человек показал глазами на парня, стоявшего в стороне. — Теперь это первый секретарь ЦК ДОМА. — И добавил совсем уже загадочное: — Пока ДОМА. (В недалеком будущем аминовские приспешники действительно переименовали ДОМА — в НОМА.)

И Бурхан и Фарид моментально поняли, что произошло за полмесяца их отсутствия: ведь процесс, в результате которого стала возможна эта сцена в аэропорту и насильственные действия в аппарате ЦК ДОМА, начался при них, развивался на их глазах. Теперь он стал лишь более бурным, более открытым.

Реакция Бурхана и Фариды на заявление незнакомца была, по существу, одинаковой, единственно разумной в подобном положении.

— Что ж, — проговорил Бурхан, — ни я, ни Фарид не держимся за места в ЦК. Но наши места в рядах ДОМА. А кем мы будем в этой организации, которой отдано столько сил, видимо, неважно... Главное, чтобы

мы и дальше были ей нужны... Мы готовы работать на самых рядовых местах...

Новый первый секретарь ЦК, никем никогда не избиравшийся и неизвестно откуда свалившийся, согласно кивнул головой: «Посмотрим, подумаем».

Абдурахман Амин, который, как выяснилось, уже «назначен» вторым секретарем ЦК ДОМА (то есть вместо Фарида Маздака), назначен заочно, заранее, до своего возвращения из Гаваны, также, мгновенно войдя в роль, обещал «посмотреть»...

Фарид думал: только находясь в ДОМА, ее рядах, можно препятствовать губительному процессу, который уже шел, только так можно и необходимо хотя бы попытаться сохранить, уберечь от перерождения, от «чистки» кадры активистов. Но новоиспеченные руководители ДОМА, в точности следуя направлению, избранному и уже проводимому Амином, как и обещали на аэродроме, «подумали и посмотрели». Откровенные преследования Гияси, Маздака и других членов ЦК и активистов ДОМА начались повсеместно. Фарид обнаружил: за ним следят неизвестные люди. Его контакты, встречи и разговоры фиксируются, за его друзьями также устанавливается слежка. Каждый день положение усложнялось. Работать, действовать, отстаивать прежние цели, идеи и направления становилось все труднее...

Потом наступил вечер, когда за ним пришли прямо домой. Тот вечер, когда вместо него по чистой случайности, забрали его младшего брата. Теперь, сидя в доме своего товарища, он, Фарид, знал, что брата отпустили, но его дом взят под прицел, его родные уже седьмой день находятся, по существу, под арестом. От них требовали одного: назвать место, где скрывался Фарид. А он скрывался на улице Саед Нур Мухаммед Шах Мин и ждал, когда появятся те, кто брался устроить его незаметный уход из Кабула — уход в настоящее подполье.

Вот какие дела, какая обстановка и какие события складывались и развивались за окном комнаты, в которой находился Фарид. Комнаты, которую должен был покинуть вечером, с наступлением темноты. Сегодня хорошо известно, чем эти события грозили всему афганскому народу, известно, какое драматическое развитие

получили в последующее время — время, когда над Фаридом и десятками тысяч других жертв аминовского предательства нависла смертельная опасность.

Вершины гор оставались белыми, освещенными низким солнцем, но по ущельям уже дымилась мгла близкой ночи.

Фарид ждал.

Первым пришел Садик — хозяин дома.

— Готов?

— Конечно, — кивнул Фарид.

— Давай поьем на дорогу чаю, — предложил Садик. — Сегодня в нашем лице арестовали Хашима, — продолжил он безо всякого перехода. — В чем дело, никто не знает, но говорят, что он был опасным врагом революции. Представляешь? Хашим — враг революции.

— А я? — спросил Фарид. — Я разве не враг?

— Брось, — махнул рукой Садик.

— Меня тоже хотят отправить в тюрьму не как героя, — проговорил Фарид, — а как врага революции.

Проводники пришли в одиннадцать. В путь тронулись тут же. Путь был неблизким. Они шли по узким, невыразимо темным улицам старого Кабула, мимо глиняных, присыпанных пылью веков дувалов, мимо закрытых, глухих, отгороженных от мира домов, шли к окраине, прислушивались к тишине, шли дальше, приближаясь к узкой пустынной долине, на одном конце которой заканчивался, сходил на нет Кабул, а на другом начинались крохотные поселения, деревеньки, забытые великим аллахом и временем. Наконец они достигли одной из них, деревеньки Шиваки, той, в которой Фарид должен был затеряться, подобно тому как затерялась в мире она сама. Убежище было надежным: дом казался старым, как горы, ничем не примечательным, на вид запущенный, почти нежилой. В нем, конечно, не было ни электричества, ни воды, но в нем жил Зухур Размджу, ветеран партии, ставший вскоре одним из руководителей партийного подполья. Этого человека Фарид знал очень хорошо и не удивился, что в сложившейся ситуации Зухур, как и большинство подлинных революционеров, находился в опале, подвергался репрессиям и, наконец, вынужден был скрыться. В доме был и другой товарищ — Абдуль Васех — ветеран ДОМА. Васех должен был осуществлять связь между теми членами

ДОМА, которые остались в Кабуле, и теми, кто скрывался в провинции.

Дом, как вскоре убедился Фарид, знали еще двое ребят. Это были «люди Васеха», за которых он ручался головой. Среди связных, которых Фарид знал, они, безусловно, были лучшими. Для них не существовало преград, и они, казалось, не ведали страха. Кроме того, у ребят был широчайший круг знакомств.

Нигде на земле спать не укладываются так рано, как в горной деревне. Но в домике, где поселился Фарид, иногда не ложились спать и до утра. Здесь велись разговоры, обсуждались идеи, вырабатывались планы: как защитить, прикрыть тех членов ДОМА, которые подвергались гонениям, преследовались, как в этих условиях сохранить организацию, ее жизнеспособность.

Они анализировали ситуацию, собирали факты, изучали опасные тенденции. Фарид быстро распознал тактику новых руководителей, понял, что действия против прежней ДОМА ведутся в двух основных направлениях: одних членов организации пытаются склонить на свою сторону, чтобы сохранить видимость ДОМА, а не начинать на голом месте, а других попросту изгоняют из организации, с тем чтобы наиболее активных в будущем уничтожить, но уже не как членов ДОМА. Такова была предательская тактика.

Однако вскоре аминовцы столкнулись с серьезными проблемами. Главная из них заключалась в том, что люди, которых они рассчитывали склонить на свою сторону, не поддались на провокацию и уговоры, не приняли и не признали предательского пути. Другая же часть членов ДОМА к этому времени уже была изгнана. И враги, таким образом, оказались на голом месте. В их организации не осталось людей. Но ДОМА — подлинно революционная Демократическая организация молодежи Афганистана, ее члены, активисты, все те, кто создавал ее в условиях борьбы, кто закладывал основы, формировал задачи в соответствии с задачами, выдвигаемыми ИДПА, кто укреплял ее единство и в конечном счете превратил в вернейшего помощника партии, — эта организация, ее патриоты не исчезли, не потерялись в водовороте событий, не сложили оружия.

В этих условиях, в положении, в котором оказалась молодежная организация, Фарид Маздак, другие чле-

ны прежнего руководства ДОМА приняли решение о создании подпольного комитета ДОМА, комитета, который бы негласно координировал ее деятельность, объединял усилия активистов, поддерживал революционный дух перед лицом испытаний и, самое главное, сохранил ДОМА как организацию. Сохранил, несмотря ни на какие репрессии.

Таким образом, вскоре после создания подпольного комитета НДПА был создан и подпольный комитет ДОМА. Его возглавил Фарид Маздак.

Все нити тянулись теперь в деревню Шиваки. Слабый свет хлопкового фитиля в глиняном светильнике освещал по ночам их лица — Фариду и его друзей, по сырым каменным стенам двигались размытые тени, на глиняном полу с черточками соломы чутко нес службу их преданный пес, неизвестно откуда появившийся в доме. Шли дни, и в спорах пролетали ночи.

Однажды Фарид заявил друзьям:

— Здесь, в деревне, нам, членам подполья, гарантирована безопасность. Но согласитесь: мы находимся слишком далеко от основной массы наших товарищей, мы в последнюю очередь узнаем о событиях... Я предлагаю поменять это место на конспиративную квартиру в городе... Предлагаю вернуться в Кабул... И потом, — добавил он после короткой паузы, — рано или поздно на эту деревню враги обратят внимание: кто-нибудь заметит наши сборы.

— Но... — начал Абдуль Васех.

— Я знаю, — перебил его Фарид. — Я знаю, что это очень опасно.

— И становится все опасней, — проговорил Абдуль, не уступая Фариду. — Аминовцы наглеют и преследуют любого, кто с ними не согласен, кто появляется на их пути. А к тебе, Фарид, у них особые претензии. И для сына Амина, Абдурахмана, лучшей добычи, чем ты, нельзя придумать. Так что рисковать не стоит.

— Могу подтвердить, — вступил в разговор один из связных, Заман Мухаммад, — обстановка сложная, аресты не прекращаются, многие люди исчезают бесследно.

— Но рисковать стоит, — твердо возразил Фарид. — В подполье все рискуют. И если этого требует дело — рисковать становится необходимо.

Фарид настоял на том, чтобы вернуться в Кибул. Так он снова оказался на одной из городских улиц, на этот раз на улице Навабат де Афган, в старом-престаром доме, где проживали две семьи: одна многодетная, другая из двух человек — матери и сына.

К своему родному району Фарид, однако, даже не приблизился. Подобный риск он считал совершенно неоправданным, он понимал, что желание увидеть своих родителей и братьев, каким бы острым оно ни было, несопоставимо с той опасностью, которой можно было подвергнуть и их самих, и себя, и, самое главное, свое дело.

Мать и сын, у которых он укрылся, отвели ему отдельную крохотную комнатку. В ней было холодно, но и другие комнаты не очень-то отапливались, дров не хватало, а ночи становились все холоднее. Фарид часто ложился спать одетым.

Никто из членов многодетной семьи не знал Фариде и не видел — он появился ночью и не выходил из комнаты, разве что опять только ночью, когда все спали. Мать и сын знали, кто он, чем занимается и от кого укрывается. Но это была семья революционера, погибшего в даудовском застенке, члена ИДПА. Фарид чувствовал себя здесь в относительной безопасности.

Каждый вечер, готовясь к встрече со связным, Фарид закрывал окно плотной материей — бывшей шторой и только после этого зажигал свет. В этот период связным между ним и подпольными комитетами, созданными в разных районах Кабула, был Дауд Мазьер — тихий, скромный парень, со светлыми, зеленоватыми глазами и застенчивой улыбкой. Он появлялся бесшумно, незаметно, всегда точно в условленное время, приносил самые точные сведения, умел их не только собирать, но и предварительно, до встречи с Фаридом, проанализировать, успевал очень многое «разложить по полочкам».

У Фариде была подпольная кличка «Зальмай» (в переводе с пушту — молодой). Обращаясь к старшему товарищу, Дауд слово «Зальмай» произносил с какой-то особенно веселой интонацией:

— Заль-май, — растягивал он, — сегодня я узнал...

Однажды Дауд появился перед Фаридом без обычной

улыбки. Он был удручен и не знал, с чего начать разговор.

Затем сказал:

— Фарид, у тебя дома большие неприятности. Они забрали твоего старшего брата Яра. Он у них уже три дня. А вчера забрали и мать.

— Мать? — переспросил Фарид, не поверив своим ушам. — Мать?

— Да, — подтвердил Дауд. — Они требуют от них назвать место, где ты скрываешься.

— Но ведь ни Яр, ни тем более мать этого не знают, — произнес Фарид сдавленно. — Как же от них можно требовать то, чего они не знают?

Чувствуя, что эти слова Фариды обращены скорее всего к самому себе, Дауд продолжал:

— Мне рассказали, что начальник отдела кабульского управления сил безопасности сказал твоей матери: «У нас сейчас находится ваш сын Яр. Назовите дом, где скрывается Фарид, и мы отпустим Яра». А мать ответила: «Они оба мои сыновья — и Яр и Фарид. И я не стану губить одного, чтобы спасти другого».

— Но сейчас мать отпустили? — спросил Фарид.

— Нет, — ответил Дауд. — Она еще у них. И Яр у них. Они держат их в качестве заложников...

Всю ночь Фарид не сомкнул глаз: он, как никогда, остро переживал эту историю, изводил себя мыслями о матери, обо всех своих родственниках, которым уже не раз приходилось страдать, терпеть унижения, а то и лишения из-за его революционной деятельности, и особую боль в этих переживаниях ему приносило ощущение того, что он, Фарид, совершенно бессилен в чем-то реально помочь матери и Яру. «Только будущее, — утешал он себя, — только будущее, к которому мы так стремимся, ради которого рискуем жизнью и действуем, способно изменить это положение, не допускать подобных драм. Только наша общая победа, — говорил он себе, — принесет нам всем облегчение, и мы снова окажемся вместе — я и они. И тысячи других людей, разединенных сегодня злою силой предательства».

Чем глубже становилась ночь, тем незащищеннее становилось сердце. Фарид заставлял себя думать о самых серьезных, самых неотложных проблемах организа-

ции, о делах подполья, но очень скоро ловил себя на том, что снова переживает за мать, за Яра. Он вспоминал слова знаменитого своего земляка, поэта Абдуррауфа Бенава: «В наш век нельзя воспевать лишь личные чувства. Нужно обратиться к положению народа». Он понимал их обнаженную справедливость и общий смысл, но мысли упорно возвращались к матери, ибо она была его матерью и живой, реальной частицей всего народа...

Так шла ночь. Ее можно было назвать «ночью горестных размышлений», используя название одного из самых трудных и драматических стихотворных циклов — «Горестные размышления» того же Абдуррауфа Бенава...

Следующий день не принес облегчения: о судьбе матери и брата Фарид не узнал ничего нового. Но зато через сутки днем, не дожидаясь ночи, к нему явился Дауд, и Фарид сразу понял: что-то произошло. Дауд сказал без предисловий:

— Мать выпустили. — Затем добавил: — Яра выпустят сегодня.

Они помолчали, сели напротив друг друга, Фарид долго кашлял, спросил:

— А что слышно от Садики?

И они перешли к разговору о связных, о подборе ребят, о подполье.

Когда Дауд собирался уходить, Фарид спросил:

— Кто помогал с освобождением матери?

Дауд сказал:

— Наши ребята. Нашли ход... Нужно ведь было доказать, убедить сыщиков в том, что она ничего не знает. И что Яр ничего не знает. Но эта история — сигнал нам всем.

Фарид понял: его скитаниям и жизни под чужими крышами не предвидится конца. Он понял: ребята подыскивают новое место — это становится опасным.

— Да, — сказал Фарид, — нужно менять адрес. Долго на одном месте жить нельзя, даже если оно и кажется идеальным. Ведь то, что они арестовывают даже родных, берут в заложники мать, говорит о том, что я им очень нужен. Они, видно, рыщут всюду.

Следующим местом его жизни стал дом... его дяди.

Удивительная вещь: революционной деятельностью Фарид в их большой семье стал заниматься первым. Никто до его ареста и заключения в даудовскую тюрьму не относился к этому всерьез и тем более не испытывал никаких опасений. А еще точнее будет сказать: никто не интересовался подробностями его занятий, его связями. Было лишь общее, поверхностное ощущение того, что Фарид к чему-то причастен, в чем-то участвует, связан с беспокойными, «новыми» людьми — не более. Даже Яр, и тот в принципе не до конца понимал и осознавал, что значили для Фариды революционные идеи и какие жизненные позиции будут им вскоре признаны единственно верными в результате его тесного общения с истинными революционерами. Но проходит какое-то время, и тот же Яр становится одним из самых больших сторонников Фариды, а вскоре и сам начинает участвовать в революционной деятельности, объединяется с многими преподавателями в их лицее, которые уже являлись членами НДПА и твердо стояли за необходимость социальных преобразований... Потом отец — отец, изменивший сочувствие на решимость, признавший революционный путь единственно справедливым и верным путем в истории.

И вот, наконец, дядя Фариды. В какой-то момент, а вернее, в один из труднейших моментов революции, он, человек чрезвычайно далекий от политики, ее напряжения и опасностей, человек, поглощенный своими трудными хозяйственными заботами, соглашается вдруг на рискованный шаг — приютить Фариду, ставшего подпольщиком, племянника, молодого революционера, от общения с которым только и жди неприятностей, но он решается, предлагает дом, крышу над головой и этим доказывает: я за революцию, я хочу ей помочь хотя бы этим — дать приют одному из ее молодых бойцов.

...И только через некоторое время Фарид со всей глубиной ощутил многомерную типичность этих превращений в сердцах близких ему людей. Он увидел, что они не исключение, они не единственные, кто постепенно, но необратимо входил в революцию, и поверил в нее, и стал считать ее своим кровным делом. Они не единственные. Это и раньше, конечно, понимал Фарид, но со временем убедился в этом воочию. Таких людей

было уже большинство. И именно в этих простых людях партия видела главную опору, главную защиту революции от Амина и его банды.

За то время, что Фарид прожил в доме своего дяди, дом превратился в настоящий штаб. Как и прежде, главным временем суток была ночь — черная, зимняя ночь, в которой тонули древний город, его мечети и его дома.

Постоянное напряжение, ночная деятельность, почти полное отсутствие свежего воздуха — ведь за редким исключением Фарид не появлялся даже во дворе дома — стало заметно сказываться на его здоровье: он сильно похудел, был бледен, слаб, он осунулся. Лишь пылающие, яркие глаза оставались неизменными — в них не чувствовалось усталости, в них светились те же силы и отражалась глубокая вера в победу.

А реакция тем временем праздновала свои победы — одну за другой, и победы становились все трагичнее: уже большинство членов НДПА вынуждены были работать в подполье, многие были схвачены, оклеветаны и брошены в тюрьмы, некоторые убиты.

Сгущались — в который раз за короткое время — тучи и над головой Фариды. Это чувствовалось по многим признакам. На его родительский дом был снова совершен налет. На этот раз заложником был взят его младший брат Рафи, тот, которого уже забирали однажды, спутав с Фаридом. Отцу и матери снова заявили: или мы посадим Рафи в тюрьму, или вы скажете наконец, где скрывается Фарид. Мы знаем, что он в Кабуле, но где именно, скажете нам вы. Выберите!

И отец, и мать, и Яр давно уже знали: Фарид живет у дяди, но что это меняло? Что же, они действительно стали бы выбирать между одним сыном и другим? Нет, конечно, нет. Они, сжав зубы, страдали, страдали, надеясь на то, что положение изменится, что-то произойдет и их страдания окончатся — все дети вернутся домой, все будут в сборе.

Рафи мучили в службе безопасности целую неделю. Фарид в это время не находил себе места — волновался за младшего брата. «Но точно так, — поразила его однажды мысль, — они и из меня сделали настоящего ре-

волюционера. Кто я был до того, как попался в лапы полиции?» Мысль не могла, однако, ослабить волнения — так, наверное, устроен человек...

Дядя ежедневно ходил в их дом, справлялся о Рафи, качал головой, говорил: «Как я скажу об этом Фариду? Как скажу?»

Однажды он даже решился на обман.

— Рафи дома, — с трудной улыбкой сказал он Фариду. — Я был у вас, говорил с ним.

— Это неправда, — сказал Фарид сухо.

— Да, я пошутил, — сказал дядя, опуская глаза. — Я хотел, чтобы повеселел ты...

В день, когда измученный Рафи действительно вернулся домой, на этот раз с помощью подкупа (деньги собирали друзья), руководство организации приняло решение о смене места заседаний штаба, о новой крыше над головой Фариды. Кроме конспиративных соображений — связные уже дважды замечали в сумерках подозрительные тени, мелькающие неподалеку от дома, — это вызывалось и житейской причиной: дяде, кажется, удалось договориться о продаже дома. «Операция» эта началась давно, и теперь вдруг стала приближаться к финалу.

— Ты можешь жить у меня, — сказал он Фариду, — пока я не поменяю дом. А потом будешь жить в моем новом доме. Я уже решил.

— Нельзя, — мягко возразил Фарид. — Нельзя. Чем ближе к центру, тем опасней. Мы найдем что-нибудь на окраине. Но я и мои друзья, — добавил он, — никогда не забудем того, что ты для нас сделал. Спасибо тебе.

...Когда они прощались, Фарид попросил дядю об одолжении.

— К тебе по-прежнему будут приходить мои друзья, — сказал он. — Ты передавай через них мне все, что будешь знать об отце и матери. Рассказывай обо всем, что происходит у меня дома. Навещай их, для меня ведь дорога эта еще закрыта.

— Буду навещать, — сказал дядя. — Я не забуду твоей просьбы. Но твои друзья пусть сообщают о твоих делах, твоём здоровье. Скажи им об этом. Иначе от них ничего не добьешься.

На этот раз Фарид снова перебрался на улицу Навабат де Афган, однако не в тот дом, где укрывался прежде, а в дом, где снимал комнату его друг Анвар, преподаватель лицея, один из членов бывшего ЦК ДОМА. Условия, в которых жил Анвар и в которых теперь предстояло жить Фариду, были тяжелейшими: комната была темной, ледяной, сырой. Дров у них практически не было (город издавна отапливался в основном дровами, уголь был большой редкостью). Цена на дрова, которые продавались на рынках, в течение зимы оставалась высокой — чаще всего это было результатом саботажа.

Уже через несколько суток Фарид почувствовал, что его состояние резко ухудшилось. Кашель разрывал грудь, дышать становилось трудней и трудней. Особенно сильно кашель мучил по вечерам. Все чаще к Фариду возвращалось болезненное ощущение той ужасающей, всепроникающей сырости, которую он познал когда-то в тюрьме. Он боялся этих ощущений даже тогда, когда они лишь тлели в неясной, глубокой памяти тела. А теперь все повторялось снова!

Он опасался, как бы нынешние мокрые холода, сырые комнатные морозы не свалили его окончательно, ведь силы, которые были тогда, в тюремной одиночке, и силы, которые остались сейчас, после нескольких бессонных месяцев, после скитаний и постоянного напряжения, были, конечно, неодинаковыми — теперь сил становилось все меньше и меньше, и они таяли, так как питал их только дух.

Фарид, борясь со слабостью и недомоганием, искал опору в том, что в подобном положении находится не он один, что рядом с ним, недалеко от него, как и тогда, в тюрьме, живут и переносят тяготы тысячи революционеров, тысячи патриотов, верных идеалам Апрельской революции, и большинству из них намного труднее, чем ему, Фариду. Люди эти, как правило, намного старше его, и потом на их долю, кроме тюремного заключения при Дауде, выпали еще и жесточайшие пытки, а ведь Фариду они миновали! И эти люди, размышляя Фарид, не просто опять оказались в тяжелых условиях и переживают теперь их в укрытии, и ждут, когда они изменятся к лучшему. Нет! Они сами меняют их, действуют, не складывая оружия, и, пока они есть,

говорил себе Фарид, будем и мы, те, кто на них равняется.

Годовщину злодейского убийства Мир Акбара Хайбара, совершенного в самый канун революции и вызвавшего грандиозную антидаудовскую манифестацию, ту манифестацию, которая когда-то так потрясла Фариду, впервые ощутившего всю силу сопероживания, единства с тысячами людей, решено было отметить выпуском и распространением листовок. Листовки должны были рассказать о положении, сложившемся в стране, правду об этом положении.

Фарид, Анвар, другие активисты ДОМА разработали точный план операции. Они так же встретились и переговорили с каждым, кто должен был участвовать в операции по распространению листовок, учли особенности каждого района Кабула — близость мечетей, дуканов и т. д. Тут пригодился и личный опыт Фариды: он подсказывал, как в пестрой толпе обнаружить провокатора, наблюдателя, как скрыться среди народа, если ты замечен. Он даже учил наиболее скрытым движениям рук которые приобрел когда-то сам и хорошо помнил. «Доставать из-под одежды листовку, — говорил он, — нужно так, чтобы даже самому себе это не было заметно!»

По согласованию с руководством городского комитета НДПА (вернее, его бывшими руководителями, действующими теперь уже тоже, по существу, нелегально) они начали операцию.

Операция, безусловно, имела очевидный успех. Листовки удалось вручить большому числу жителей Кабула. О них заговаривали повсюду, их содержание обсуждалось в дуканах, на рынках, даже в автобусах. Но успех операции вызвал и невероятное озлобление аминовских приспешников. Повсюду — теперь уже почти в открытую — они начали аресты, облавы, репрессии против неугодных членов НДПА, ДОМА, обрушились на другие организации, например, на демократическую организацию женщин Афганистана, созданную вскоре после Апрельской революции, объявили террор тем, кто не следовал их предательскому, антинародному курсу, кто оказывал хотя бы малейшее сопротивление.

Около пятидесяти членов ДОМА были арестованы в эти дни, на родительский дом Фариды был снова со-

вершен налет — как выяснилось позже, кто-то из провокаторов сказал, что в доме действует подпольная типография, а сам дом по-прежнему служит местом секретных встреч нелегалов.

На большую беду, именно в этот вечер, вечер налета, в доме действительно укрылись четверо членов НДПА из провинции. Их просто не успели предупредить, что Фарид в подполье, а его дом, в котором они не раз встречались сразу после революции, часто «просвечивают». Не успели! И вот налет. Все чудом выбрались через окно, перебрались через высокие дувалы соседних дворов, скрылись в тьме горной ночи. Но ищейки почувствовали неладное и в бессильной злобе снова арестовали Яра, грубо втолкнули в машину, а отцу, матери и детям снова было запрещено выходить из дома. В который раз! Из министерства общественных работ к отцу Фариды пришли пятнадцать сослуживцев, обеспокоенных тем, что Фагир Мохаммада снова нет на работе. Их тоже задержали — всех пятнадцать!

Фарид, узнав об очередном аресте Яра, решил: брату тоже необходимо уходить в подполье. Они его замучают. (К этому времени Яр вступил в НДПА и сам решил перейти на нелегальное положение и присоединиться к тем, кто начал борьбу против аминовского курса.)

Между тем охота на Фариду не только не ослабевала, но и по всем признакам усиливалась. Секретная аминовская полиция вновь, почти сразу же после недавнего неудачного, с их точки зрения, налета окружила и набросилась на родительский дом Фариды. Теперь набросились в надежде на то, что Фарид окажется дома: не мог же он, рассуждали полицейские умы, ни разу не переступить порог дома, не провести отца и мать. Но Фариду дома, конечно, не оказалось. Зато — какая удача для ищейек — в доме были схвачены три посторонних человека. К огромному сожалению, это были подпольщики, члены НДПА, скрывавшиеся последнее время в одной из деревень и теперь вернувшиеся в Кабул. Они зашли в дом Фариды лишь с одной целью: узнать о судьбе друга, узнать о новых явочных квартирах. И вот, как и в прошлый раз, когда в доме во время налета оказались революционеры из провинции, произошло то же самое: ищейки нагрянули словно по сигналу.

Но если в прошлый раз подпольщикам удалось бежать, то теперь все обернулось скверно: этих товарищей тут же арестовали.

Кроме арестованных, полиция увезла из дома мать, отца, братьев и сестру Фарида (Яр уже вырвался из полиции и ушел в подполье).

Всю ночь их избивали и держали в ледяной, сырой камере: от них требовали назвать имена задержанных в доме людей. Ничего бы не изменилось, если бы они знали эти имена, но они их не знали! Это были люди, которых они впервые увидели в тот день, — «люди Фарида».

Весь следующий день над ними издевались аминовские погромщики, но теперь их уже не интересовали имена подпольщиков. Теперь они, как и прежде, требовали сведений о Фариде. Кому-то Фарид не давал покоя, кому-то Фарида необходимо было распять!

Мать была избита до полусмерти, отец — до полусмерти. Детей били для страха — надеялись, что от них еще можно чего-то добиться: вдруг знают?

Когда они вернулись домой, увидели: дома был учинен настоящий погром, многое было поломано, перевернуто, разбито. Подшивки журналов, книги, даже Коран, были увезены, исчезли...

...По совету друзей Фарид отпустил длинные волосы, чего никогда не делал раньше. Отпустив волосы, перекрасил их к тому же в рыжий цвет. Дауд достал ему отличные темные очки. Теперь узнать Фарида было невозможно. Это воодушевило его, и он стал даже выходить из дома. Вначале он совершал свои вылазки только по ночам, но вскоре они поняли, что лучшее время суток все же день, ибо ишейки тупо сориентированы как раз на темноту: ночи напролет они рыскали по переулкам, вокруг домов, преследовали любого прохожего. Да, изменив свой внешний облик таким нехитрым способом, Фарид, как они считали, практически обезопасил себя. Он стал ходить по многолюдным улицам Кабула, посещать тех, с кем необходимо было встретиться. Ведь именно теперь, в это сложное время, требовались огромные, постоянные усилия патриотов, направленные на организацию отпора силам реакции, оказание сопротивления разрастающейся контрреволюции. Лучшие сыны партии, ее здоровые силы, поддерживаемые народом,

самоотверженно трудились в подполье, делали все от них зависящее для сохранения партийных рядов, вели подготовку к решительной схватке с аминскими пала- чами, так предательски, так коварно изменившими кур- су Апрельской революции. И во всех делах партии, во всех усилиях ее верными помощниками оставались те, кто на деле доказал свою верность революции, те из активистов Демократической организации молодежи Афганистана, кто не дрогнул в сложное время, не ушел в сторону, а продолжал борьбу... Фарид был одним из них.

Подпольная жизнь шла своим чередом. Однако вско- ре произошло совершенно неожиданное событие: оче- редное невероятное совпадение, случайность, спасшая Фариду от верного ареста, а точнее — от смерти.

Их связной, пятнадцатилетний Султан Масуд, по кличке Гияс, оказался на улице, недалеко от теле- графа, в тот момент, когда ищейки схватили парня с длинными рыжими волосами и в темных очках! Парень ехал на мотоцикле «Дружба» советского производства. В конце концов они его отпустили, сказав, что с кем-то спутали, но мотоцикл на время конфисковали. Гияс пре- рвал свой обычный маршрут по подпольным адресам и тут же бросился к Фариду. Он прекрасно понял, с кем спутали того парня, так похожего на «нового» Фа- рида.

Стало ясно: Фариду кто-то предал.

Из этой истории они сделали два вывода: снова сме- нить внешность и, возможно, даже вернуться к своему обычному облику, пока будут выслеживать рыжего, и второе — срочно сменить место жительства.

Снова!

Что ж, они рассуждали логично: если существует кто-то, узнавший о перевоплощении Фариды, значит, этот кто-то может знать уже и о комнатке на улице Навабат де Афган.

Но все усилия, все попытки найти новую квартиру оканчивались неудачей. Для семейных найти комнату еще было можно, для одиночки — нет.

И тогда Фариду пришла в голову удивительная мысль: мы должны, решил он, создать фиктивную семью, вернее, даже семейство.

— Как мы это сделаем? — спросил Анвар, услышав об идее.

— Один из наших старших друзей, — Фарид назвал его имя, — который тоже скрывается в подполье, станет моим отцом. Или еще лучше — отцом моей «жены». Ясно?

— Ну, это ясно, — кивнул Анвар. — А кто станет твоей «женой»?

— И тут все ясно, — невесело улыбнулся Фарид. — Моей «женой» станет Фаузия.

— Какая Фаузия?

— Моя сестра.

От неожиданности Анвар не мог вымолвить ни слова.

— Что, не выход? — спросил Фарид.

— Выход, — проговорил наконец Анвар. — Выход. А сколько Фаузии лет? Я вспоминаю, что она у вас всегда выглядела старше своих лет, но все же...

— Да, — кивнул Фарид, — на вид ей больше, чем на самом деле. На самом деле ей тринадцать лет.

— Решено, — сказал Анвар. — Отличная идея. Начинаем работать.

— Теперь бы решить с самой Фаузией и с родителями, — проговорил Фарид. — Это ведь не шутка: утаить в подполье и девочку...

Через некоторое время фиктивное семейство было создано. Они незаметно вселились в комнату, найденную в доме на улице Андарроби с огромным трудом. Фариду дали новое подпольное имя Найзак. Фаузия мужественно и стойко вступила в свою роль. На улице гуляли ноябрьские ветры — приближались суровые холода.

Но не только сезонный, климатический холод ощущался за окном нового дома: главный, основной, непереносимый для честных людей холод уже вовсю свирепствовал в политической, общественной жизни страны. Амин, совершив одно из самых гнусных своих преступлений — убийство главы государства, человека, основавшего НДПА, Н. М. Тараки, — захватил власть в свои руки. Он взялся за кровавое переустройство государственного аппарата, встал на путь открытой измены Апрельской революции, обрушил беспримерный террор на подлинных революционеров. К этому времени кампания против честных, преданных революции борцов,

членов НДПА достигла своего высшего размаха. Ста-
ло очевидным, что целью Амина было полное
уничтожение партийного аппарата и актива партии.

Но не только члены НДПА, не только партийные и
общественные деятели подвергались его преследованиям.
Его жертвами становились рабочие, крестьяне, про-
грессивная интеллигенция, представители духовенства.
Он преследовал даже военных, непосредственно уча-
ствовавших в штурме дворца Дауда 27 апреля 1978 го-
да. Но основной удар был нанесен все же партии. Более
двух тысяч членов НДПА были арестованы и брошены
в тюрьмы, заключены в страшные аминовские застенки.
Администрация печально известной тюрьмы Пули-Чархи
трудилась день и ночь и снова день и ночь и все-таки
не успевала справляться с потоком арестованных. Более
пятисот членов НДПА были расстреляны. Приспешники
Амина в открытую сожалели, что упустили, просмотр-
ели, не смогли помешать эмигрировать из страны не-
которым партийным работникам, раздавались угрозы
в адрес Бабрака Кармаля, находившегося в это время
на дипломатической работе в Европе. Если бы аминов-
цы знали об интенсивных, тайных связях Бабрака Кар-
маля с партийным подпольем в Кабуле, они попыта-
лись бы осуществить свои угрозы в его адрес любой
ценой.

О том, какая обстановка складывалась к тому вре-
мени в стране, какую роль играл Амин и его банды,
видно из заявления министерства внутренних дел ДРА,
обнародованного на пресс-конференции в Кабуле 21 ян-
варя 1980 года *.

«Факты, — говорилось в этом заявлении, — неопро-
вержимо свидетельствуют о том, что Х. Амин и его под-
ручные были прямыми наемниками враждебных Афга-
нистану империалистических сил, агентами ЦРУ. Полу-
ченные нами данные подтверждают, что, действуя по
указке ЦРУ, Амин вступил в сговор с контрреволюцион-
ным отребьем, окопавшимся в Пакистане, и замышлял,
действуя совместно с главарями реакционной «Ислам-
ской партии Афганистана», совершить 29 декабря
1979 года государственный переворот. Физически уни-
чтожить всех честных и преданных революции руково-

---

* Текст заявления приводится в изложении АПН.

дителей и активистов партии и установить в стране единичную диктатуру.

Вскоре после злодейского убийства основателя НДПА и первого главы свободного афганского государства Н. М. Тараки Амин начал особенно активно устанавливать и расширять контакты и связи с внутренней и внешней контрреволюцией. Уже в конце сентября 1979 года эмиссар Амина провел с одним из главарей окопавшейся в Пакистане «Исламской партии Афганистана» Гульбеддином Хикматьяром тайную встречу, в ходе которой была достигнута договоренность «о прекращении конфронтации и возможном сотрудничестве». В тот же период старший брат Амина — Абдулла начал все более активно и открыто выступать за то, чтобы «покончить с игрой в революцию и назначить на все высшие партийные и государственные посты родственников и верных людей». ЦРУ США констатировало, что «режим Хафизуллы Амина с учетом его внутренней эволюции вполне отвечает долговременным интересам Соединенных Штатов».

4 октября 1979 года Х. Амин провел в Кабуле секретное совещание, на котором он и его приспешники обсудили и утвердили условия «союза» с «Исламской партией Афганистана» и конкретные планы совместной подготовки государственного переворота...

В середине декабря 1979 года личный представитель Амина на специальном самолете, принадлежащем афганской авиакомпании «Ариана», совершил полет по маршруту Кабул — Париж — Рим — Карачи, чтобы встретиться в этих городах с агентами американских спецслужб и информировать их о ходе подготовки к перевороту. 22—24 декабря специальный гонец Амина выезжал с той же целью в пакистанский город Пешевар — один из центров зарубежной антиафганской эмиграции и контрреволюции, неподалеку от которого находится штаб-квартира Г. Хикматьяра. Из определенных кругов Вашингтона в Кабуле получены заверения, что в случае необходимости «инициаторы переворота будут поддержаны мощью вооруженных сил США...».

И все же, несмотря на зловещие события, на террор, на острейшие экономические и социальные проблемы, несмотря на предательскую деятельность Амина и его приспешников, Апрельская революция жила в сердцах

и делах подлинных революционеров. Она жила в действиях всех передовых, честных людей, ее нельзя было перечеркнуть и уничтожить, ибо она поселилась в сознании людей, стала их верой. Страна продолжала движение по направлению, определенному революцией. Однако движение это было, конечно, заторможено, а усилия многих подорваны. Внутренние трудности, осложняемые международной реакцией, искусственно насаждаемые внутрипартийные разногласия, безусловно, ослабляли позиции революции и в конечном счете облегчили бы империалистической реакции ее основную задачу: вторжение на территорию Афганистана, с тем чтобы силой оружия вернуть страну к ее недавнему прошлому и реставрировать выгодные империализму полуфеодальные порядки. Главной проблемой революции, таким образом, становилась близкая, очевидная, реальная угроза вторжения в страну империалистических сил — это понимали подлинные патриоты и готовились, несмотря на репрессии, к решительному сражению с контрреволюцией и теми, на кого она опиралась...

«Только благодаря тому, — говорилось в заявлении, — что партия, все патриотические силы бдительно стояли на страже завоеваний революции и в решающий момент разоблачили и ликвидировали Х. Амина, этого агента ЦРУ, и его клику, — только благодаря этому день 29 декабря 1979 года не стал еще одной трагической датой в длинном списке подобных дат, которыми изобилует история Афганистана».

Вот так обстояли дела, когда Фарид Маздак — один из тысяч молодых афганских революционеров, один из тысяч рядовых членов НДПА, один из миллионов честных афганцев — устраивал свое последнее «семейное» подполье на улице Андарроби. Последнее, потому что все приближалось к развязке. Во второй половине декабря все партийное подполье было приведено в состояние полной готовности. Мобилизованы были также верные помощники партии — активисты ДОМА. Фарид, Анвар, Дауд — все работники центрального подполья ДОМА отправились к тем, кого необходимо было предупредить об ожидающихся событиях.

27 декабря режим Амина был сметен! В 5.30 утра на явочную квартиру Фариды приехали члены подполь-

ного партийного комитета Заман и Асафетдин. Они привезли листовки с заявлением Революционного совета ДРА, отпечатанные в подпольной типографии.

Задание активистам ДОМА: распространять заявление среди населения Кабула, помогать членам НДПА контролировать положение на торговых улицах, рынках, на площадях...

...28 декабря — ровно через год и четыре дня — Фарид Маздак переступил порог родительского дома. Он переступил порог и долго, призывательно смотрел на измученных, онемевших от внезапного счастья отца и мать, а затем шагнул им навстречу и крепко обнял обоих. Потом он обнялся с возбужденным, только что примчавшимся Яром, затем с младшими — Фардином и Рафи, а о Фаузии, вернувшейся в отчий дом вместе с ним, он сказал: «С этой революцией надо поздравить самую маленькую революционерку».

...Когда он слушал обращение Бабрака Кармалы, он думал о том, какой подвиг был совершен партией в условиях кровавого режима Амина, и был счастлив, что не остался в это трудное время в стороне, а хоть в чем-то, пусть самую малость, помог партии в ее героических усилиях и был полезен ей, полезен своей революционной родине, своему народу. Он помнил каждое слово обращения. «От имени Центрального Комитета Народно-демократической партии Афганистана, — говорил Бабрак Кармаль, — Революционного совета, государства и правительства ДРА по случаю свержения режима Х. Амина, этого кровавого шпиона американского империализма, притеснителя и диктатора, приветствую вас, многострадальные соотечественники, достойные мусульмане Афганистана, сунниты и шииты, улемы и духовные лица, солдаты и офицеры героической армии родины, национальные торговцы и предприниматели, патриотические землевладельцы, трудолюбивые ремесленники, племена Афганистана, покой которых был нарушен, пастухи и кочевники нашей родины, государственные служащие, интеллигенция и передовая молодежь, рабочие и крестьяне, отцы и матери, братья и сестры!

Революционный совет ДРА, руководствуясь принципами и целями великой Апрельской революции и опираясь на волю свободолюбивого и разрывающего цепи

народа Афганистана, на победоносное восстание партии, на поддержку патриотических солдат и офицеров Афганистана, вновь взял государственную власть в свои руки...»

«Наша борьба, — говорил Бабрак Кармаль, — это великая и справедливая борьба. Это борьба народа Афганистана за справедливость и добро. Пусть же в этой борьбе в вас вселяют силы образы доблестных великих предков, образы тех, кто отдал жизнь за свободу нашей славной и гордой родины, любимого Афганистана, образы погибших в великой Апрельской революции вождей, наших товарищей Н. М. Тараки, М. А. Хайбара и других товарищей — героев, отдавших жизнь за революцию...»

А затем наступили дни, дни второго этапа Апрельской революции, как были названы народом события 27 декабря 1979 года, и Фарид вместе с вернувшимся из вынужденной эмиграции Бурханом, Анваром Мухаммедом и другими молодыми революционерами всецело отдался работе по восстановлению рядов Демократической организации молодежи Афганистана, по дальнейшему организационному строительству ДОМА, участию молодежи в созидательной революционной деятельности народа...

Кабул, 23 февраля 1980 года

Рано утром Фарид проезжал мимо торговых рядов — лучший «барометр» города показывал на «ясно». Все лавки уже были открыты, торговля шла бойко, и повсюду стоял ровный, привычный шум. Большинство покупателей толпилось, конечно, у лавок, где продавались горячие пахучие лепешки, а также овощи и фрукты: горы желто-розовой очищенной моркови, апельсины и норадж, привезенный сюда, в заснеженный Кабул, из Джелалабадской долины.

Разворачивали свои товары и ремесленники. Фарид с детства любил наблюдать за их неторопливыми, основательными приготовлениями к долгому торговому дню. В течение этого дня, возможно, ни одно из их изделий не будет продано, но это не беда! Они с одинаковым старанием сделают утреннюю работу снова и снова,

сегодня и завтра, завтра и послезавтра, проделают ее, как их отцы, и деды, и прадеды, ибо эти приготовления давно стали ритуалом, традицией, и ее никто не нарушал.

На прилавках, на тканевых скатертях, на циновках появлялись тысячи изделий из агата, аметиста, сердолика, ляпис-лазури, засветились глубокими темно-вишневыми огоньками гранатové четки, ожерелья, браслеты... Развешивались маленькие, средние и огромные ковры и ковровые дорожки невообразимых расцветок. Подвижные, крикливые мальчишки-помощники готовили к продаже шапки из лисьего и волчьего меха, взбивали их, трясли, придавая товарный вид, и шапки становились необъятно-пушистыми, как золотистые легкие облака, готовые парить над головой покупателя... Прикоснувшись душой к этому доброму, уютному миру, Фарид подумал о том, как хорошо начинается день, и понял, что попытка заговора окончательно сорвана, сорвана бесповоротно и жизнь входит в привычное русло, возвращая людям покой и мирные заботы.

Улицы были вновь многолюдными, моталась детвора, деловые люди в шапочках из каракуля торопились в открывшийся банк, движение, особенно в центре, нарастало с каждым часом. Автобусы были переполнены, люди буквально свисали из дверей, ухитрялись пристраиваться даже к заднему буферному поясу, влезали чуть ли не на крышу. Сигналили, не щадя слуха, многочисленные такси. Их водители не очень-то соблюдали правила движения, лихо «подрезали» автобусы, неслись в лоб ослам, медленно, но упорно пробирающимся в потоке бездушного, ревущего транспорта. Фарид улыбнулся, вспомнив историю о кабульских такси — он лишь недавно узнал, почему машины были только двух расцветок: черно-белые и бело-желтые. Тайны никакой, конечно, не было: когда у власти находился Дауд, он издал распоряжение, согласно которому всем владельцам такси предписывалось перекрасить машины в единый черно-белый цвет. Почему? Родственники Дауда и он сам были связаны с мастерскими, которые занимались покраской автомобилей. Поддержка со стороны власти гарантировала им солидные барыши. Но подобных мастерских в Кабуле было немного, выполнить работы полностью они не успели. Когда к власти пришел Амин,

он среди прочих дел отменил лакокрасочный приказ Дауда. И издал новый, требующий от сбитых с толку владельцев машин перекраски такси в желто-белый цвет: родня Амина, оказывается, тоже владела красильным производством. Но и на этот раз успели перекрасить лишь половину парка. В результате в городе оказались такси двух расцветок. История мелкая, но в высшей степени характерная для недавнего прошлого Афганистана...

Фарид посетил два районных комитета ДОМА и вернулся в ЦК. Здесь он стал свидетелем сцены, которая, как и вид утренних торговых рядов, оказала на него очень сильное воздействие.

Ребята, третий день с начала контрреволюционной вылазки охранявшие особняк ЦК с автоматами в руках, доложили Бурхану Гияси, что его срочно желает видеть какой-то незнакомый старик.

Приход старого человека к молодым людям, тем более в штаб их молодежной организации, был явлением, в общем, исключительным. Тем более в такое напряженное время. Но вот старик переступил порог комнаты, и Бурхан вышел ему навстречу. Старик прикоснулся пальцами к светлой чалме, а затем достал из-под полы стеганого халата какую-то бумагу:

Бурхан предложил ему сесть, взял протянутый лист. На листе зеленым фломастером были написаны адреса трех домов в Картепарване — одном из районов Кабула, в которых, по уверениям старика, контрреволюционеры прятали оружие. Специально вычерченная схема с четкими стрелками давала дополнительные пояснения: где, в каком подвале, за какими стенами следовало искать оружие...

Даже те, кто никогда не придавал особого значения символам и не был склонен отождествлять тот или иной единичный факт с целым явлением, поняли, почувствовали, какой символизм заключался в этом необычном визите, о каком сдвиге в общественном сознании говорил приход старика.

— Что ж, — сказал Бурхан, познакомившись с написанным, — мы немедленно сообщим об этом службе безопасности и пошлем по адресам наших активистов.

Он пожал руку старика, тепло поблагодарил его и просил заходить в любое время суток, так как в ЦК обязательно кто-нибудь есть. «Это наш второй дом», — сказал Бурхан.

Через несколько минут после ухода старика в комнату вошел возбужденный Абдул — молодой рабочий обувной фабрики, один из активистов ДОМА. Воистину он был вооружен до зубов — у него было пять автоматов. Пять — он был обвешан ими! Кроме того, за ним следовал мальчишка, который сгибался под тяжестью нескольких автоматных магазинов. Все, кто был в комнате, окружили вошедших.

— Откуда это? Каким образом к тебе попало?

— Во-первых, — церемонно ответил Абдул, — это издалека. Из Соединенных Штатов Америки. А во-вторых, мне удалась одна хитрая операция. Мы выследили явку. Но вначале мне, правда, ее подсказали жители одного из соседних домов.

— Почему же ты не позвал никого на помощь? — спросил Фарид. — А вдруг оружие пришлось бы отбирать силой?

— Я увидел, что его можно было получить без боя, нужна была только хитрость. И потом я был не один, нас было двое: Ахмед задержался, он скоро прибежит.

(Через четыре дня именно они осуществили одну из самых смелых операций, и она заслуживает того, чтобы о ней сказать особо. В 14-м корпусе второго микрорайона активисты ДОМА задержали опаснейшего уголовного преступника — Меджида Калакани. Это был тот, с кем были связаны не только отпетые убийцы, но и разного рода политические авантюристы, контрреволюционное отребье, во все времена ищущее «достойного» лидера. Калакани старательно и упорно вредил революционной власти, сеял страх и смуту среди людей, распространял клеветнические слухи и нередко попросту убивал тех, кто ему по каким-то причинам не нравился. Преступник был тут же передан в руки работников службы безопасности. Сама операция по его задержанию заняла немного времени: важно было обнаружить врага, выйти на него, найти тайное логово, в котором он укрывался и откуда отдавал свои команды. Удалось это сделать, как всегда, с помощью тех людей, тех самоотверженных, незаметных сторонников револю-

дин, которые стремятся помочь новой власти прежде всего потому, что понимают: народная власть — это власть народа, то есть их власть, а не власть очередного Надир-шаха или Захир-шаха.

Так вот ребятам подсказали: поинтересуйтесь вон тем домом — первым подъездом и квартирой на втором этаже... Но будьте предельно осторожны: там обособился странный «таксист». И точно: на стук в дверь ответом была автоматная очередь! Но и ребята были вооружены и, выманивая преступника, не были так беспечны, чтобы не понимать опасности. А кроме того, к дому вскоре примчалась и подмога. После короткой перестрелки бандит был обезврежен.)

После поздравлений Бурхан сказал Абдулу:

— Раз ты такой удачливый, бери помощников и отправляйся по новым адресам. Вот они, здесь все указано и даже нарисовано. — Он протянул листок, принесенный стариком. — Поезжайте в район Картепарван. Но вначале, — добавил он, — проведите лишь разведку. А потом свяжемся с народной милицией.

Когда пять новых автоматов сложили в кресло у холодного камина, Бурхан позвонил кому-то, а затем сказал: «Этим автоматами будут вооружены наши новые товарищи, те, которые отправятся на вахту к водонапорной башне во втором микрорайоне...»

Телефонные звонки раздавались непрерывно. Они мешали сосредоточиться на неотложных делах, но Фарид видел, какой подъем испытывал Бурхан почти после каждого звонка, после каждого сообщения, и этот подъем, это рабоче-праздничное настроение, которое всегда приходит к людям в момент очевидной, явной победы — пусть даже еще в неоконченной, продолжающейся борьбе, — передавалось им всем, и Фариду, конечно, в том числе.

Снова приехали ребята — теперь из Хайерхана. Их улов выглядел так: несколько гранат, две винтовки, фронтовой тяжелые патроны китайского производства и два автомата. Кроме того, удалось обнаружить вещественные улики одного из гнуснейших пропагандистских приемов: магнитофонные пленки, которые использовались душманами в последние два дня и две ночи в разных районах Кабула во время диверсионных действий. Что это были за пленки? Что на них было

записано? Дикие, душераздирающие вопли, перемешанные с антиреволюционными и фанатичными религиозными заклинаниями и призывами. Вопли транслировались с помощью магнитофонов и японских мощных динамиков, установленных на крышах домов. Так создавался фальшивый звуковой фон, имитировалось народное возмущение, взвинчивались нервы обманутых, запуганных людей. Ну а откуда появлялись эти звуки на пленке? Вскоре Фарид узнал и об этом. Записи плача, требований, призывов и заклинаний были сделаны в домах людей, к которым внезапно врывались вооруженные провокаторы с магнитофонами. Вот как это делалось. «Те же приемы, — с отвращением и негодованием думал Фарид, вспоминая разговор с дуканциком у закрытого чайного магазина. — Все построено на угрозах и обмане».

Бурхан свалил пленки на край стола, сказал:

— С этим ведется борьба. Мне рассказывали товарищи из народной милиции. Но сам я вижу такие пленки впервые. Кстати, — проговорил он, оборачиваясь к Фариду, — где же наши агитаторы? Где наши контрпропагандисты? Тянуть с выездом радиомашин нельзя!

— С минуты на минуту должны привезти бухту электрошнура и два новых динамика, — ответил Фарид и посмотрел на часы. — И тут же едем.

Невероятный темп дня ни на что не оставлял времени. Они совещались, говорили по телефону, поочередно выезжали на места дежурства активистов ДОМА, в районные комитеты, в горком и ЦК партии. Но все эти дела — большие и малые, второстепенные и вовсе незначительные — были отмечены особым настроением дня, и их калейдоскоп не утомлял, не повергал в растерянность, не давил чугунной тяжестью.

Из этих дел Фарид безошибочно выбирал те, которые требовали именно его усилий, его участия, его опыта. Он никогда не перекладывал на плечи других то, что мог сделать сам. Любое из порученных ему партией или ЦК ДОМА дел, как и то, за которое он брался сам, по собственной инициативе, он выполнял с самой высокой мерой ответственности. При этом Фариду удалось выработать еще одно хорошее правило, которое, как он полагал, необходимо каждому, но не у каждого еще

было в почете. Правило это заключалось в том, что сначала ты должен выполнить конкретную, порученную тебе работу, а потом уже можешь о ней всласть поговорить, а не наоборот!

В 13.00 Фарид выехал на одной из радиофицированных машин в первый рейс по улицам Кабула. Маршрут они разработали заранее, но сейчас Фарид вдруг решил его изменить.

— Давайте начнем свою работу со студенческого городка, с политехнического института, — предложил он. — Одна машина — туда, другая — к университету. А затем согласно маршруту.

Ребята согласились с Фаридом — многие студенты уже возвращались в вузы, среди них велись самые противоречивые разговоры. Рождались, а скорее искусственно раздувались рожденные где-то в других местах слухи. Многие, и особенно верующие, те, кто приехал в Кабул из глубокой провинции, нуждались в ясных и точных разъяснениях, классовом анализе происшедших событий.

Предложение Фариды было, безусловно, своевременным и дельным. Вскоре радиомашины заработали во всю мощь своих динамиков.

В следующие два часа Фарид смог убедиться и в том, что их идея — организовать для агитационной работы в семьях женский отряд — тоже претворилась в жизнь: многие воспитанницы лицеев, получив необходимые инструкции, материалы, уже отправились на окраины города, в те места, где проживало наиболее темное, отсталое население, о котором, кстати, постоянно помнила контра, используя его в своих целях.

Когда Фарид вернулся в ЦК, он застал финал очередной детективной истории, которых немало было в эти дни.

Недалеко от здания ЦК ДОМА, на пологом горном склоне, активисты заметили и остановили двух мужчин, попросили предъявить документы. Оба задержанных показали свои паспорта. Паспорта свидетельствовали: их владельцы — граждане Индии. Тогда один из активистов обратился к ним на английском языке и на хинди — они не владели ни английским, ни хинди! Паспорта, разумеется, оказались фальшивыми. Задержанных тут же передали милиции. А Бурхан Гяси, Фарид

и все, кто стал свидетелем этой сцены, еще долго возмущались: вот до какой подлости доходят провокаторы — любым способом стремятся скомпрометировать дружественную Афганистану страну!

В течение всего дня ребята не выключали радио, боясь пропустить хотя бы одно сообщение. Радио постоянно передавало информацию о задержании иностранных агентов и их наемников, о мерах, принятых партией, правительством, народными вооруженными силами и активистами НДПА и ДОМА против вылазки контрреволюции, и провале заговора.

Фарид прислушался: шла трансляция беседы с группой патриотически настроенных представителей мусульманского духовенства, выступивших в поддержку второго этапа Апрельской революции. Затем на дари и пушту был повторен комментарий к тому разделу речи главы Советского правительства Л. И. Брежнева, произнесенной им на встрече с избирателями Бауманского округа Москвы, где говорилось об Афганистане, о неотъемлемом праве каждого народа выбирать свой путь развития и бороться за свою независимость...

— Вот что надо бы иметь нашим ребятам в радиомашинках, — сказал Фарид, — записи подобных передач.

— А почему бы их не сделать? — спросил Бурхан. — Давай организуем...

К вечеру произошло тяжелое событие, надолго омрачившее настроение ребят.

В микрорайоне душман выстрелил в активиста ДОМА, который стоял на мосту у водонапорной башни. Пуля попала в позвонок, парень находился при смерти.

Сообщение об этом поступило в ЦК.

Бурхан и Фарид тут же выехали к месту покушения. Раненому была уже оказана первая медицинская помощь, но его положение оставалось, по существу, безнадежным.

Один из врачей сказал Фариду: это особо тяжелый случай. Конечно, в принципе операция возможна, но, во-первых, ее мог бы провести лишь нейрохирург высшей квалификации. А сколько у нас таких хирургов? А во-вторых, подобная операция возможна только в условиях полного оснащения больницы самым совре-

менным медицинским оборудованием. И опять же, где оно?

Ни на один из двух вопросов Фарид не мог ответить. Он знал ответ, который в данном случае не мог ни к чему привести, не мог помочь. Он знал: врачей драматически не хватает, знал, что даже те медицинские работники, которых, как утверждала статистика, было около тысячи человек (на всю страну с пятнадцатимиллионным населением!) до революции, почти полностью оказались уничтоженными при Амине, убивавшем любого, кто подозревался в нелояльности к его режиму, его политическому курсу. О каких нейрохирургах высшей квалификации можно было говорить?

Парень умирал. Это был один из лучших активистов ДОМА. Самад был младшим в беднейшей, многочисленной семье, глава которой, так же как и тысячи, миллионы афганцев, без колебаний стал на сторону революции и поверил в нее всем сердцем.

Да, Самад умирал.

Бурхан, Фарид, другие работники ЦК — Сахи Маржа, Дауд Мазьяр, Анвар Мухаммад, обсудили все варианты. Наконец остановились на одном: за помощью было решено обратиться к советским товарищам. Вскоре они связались с представителем советского посольства в Кабуле Николаем Захаровым. Через час все формальности, связанные с отправкой раненого в СССР, в ташкентскую больницу, были решены... Его отправляли пасмурным поздним утром, несли к самолету на носилках, и, обдуваемый ветром близких ущелий и ледников, он впервые с момента ранения открыл глаза и впервые слабо улыбнулся.

В конце напряженного, шумного дня в их молодежный штаб приехал член ЦК НДПА Хабиб Мангаль. Его визит был связан прежде всего с рабочими моментами. Но был в приезде товарища Мангалья и момент торжественный.

— Я должен, — сказал он, обратившись к секретарям ЦК ДОМА и активистам, — передать вам благодарность Центрального Комитета Народно-демократической партии Афганистана, Революционного совета за ту огромную помощь, которую вы оказали партии, правительству, народной милиции и народным вооруженным силам в подавлении заговора сил империализма,

внешних и внутренних врагов революции... Молодежь, — продолжал Хабиб Мангаль, — помогает партии во всех ее важнейших делах. Но особенно героически повели себя молодые революционеры в эти дни... Пятнадцатилетние, восемнадцатилетние парни, часто даже безоружные, не дрогнули перед врагом. Это и есть, — закончил он свою импровизированную речь, — лучший показатель героизма...

Слова члена ЦК НДПА были выслушаны со смущением, и Фарид, как, впрочем, и все, с заметным облегчением включился в обсуждение мирных революционных задач, которые партия ставила перед своими молодыми, верными помощниками: борьба с неграмотностью, политическая работа среди населения, организация физкультурно-спортивной жизни рабочей, сельской, студенческой и школьной молодежи и многие другие задачи, вызванные к жизни революцией...

...Он возвращался домой — на этот раз спустя всего лишь три дня — в ранних морозных сумерках. Небо было чистым и безоблачным, и свет, отраженный от снежных вершин Гиндукуша, струился над городом и задерживал приход ночи.

У моста Республики Фарид увидел два бронетранспортера. Солдаты — двое советских и трое афганцев — стояли в тесном кругу и смеялись над проделками мальчишек. Один, в невообразимых лохмотьях, пытался без помощи рук взобраться на тупой бронированный нос машины, другие подзадоривали его. Самый маленький стоял в стороне и сосредоточенно ел бутерброд, предложенный кем-то из солдат.

Фарид миновал пост по охране моста.

Возбуждение дня сменилось ровным чувством удовлетворения и покоя, мысли не торопясь переходили с предмета на предмет, кружились, как горные птицы после внезапного дождя, когда они кружатся, чтобы высушить крылья, и на душе было хорошо и необъяснимо светло.

Он еще раз посмотрел на великие розовые вершины, заметил, что день все же пришел к своему концу, а с ним и оба предыдущих трудных дня, в которые так пришлось потрудиться, но не стал выделять эти дни из своей предыдущей жизни, так как волнения и уроки этих

дней были с ней нерасторжимо связаны, как и вся она, его прошлая жизнь — он был уверен в этом, — всегда будет связана с той, которую ему еще только предстояло прожить. Он думал о своей собственной учебе, о скором экстерне за одиннадцатый и двенадцатый классы лицея, о делах организации и дальнейшей работе. Он мог строить на будущее любые, самые смелые планы, ибо его прошлому было всего двадцать лет!

Двадцатилетний секретарь ЦК Демократической организации молодежи Афганистана сделал лишь первые свои шаги по жизни.

Но — главные.

Бой за мост Зурмат

К тому моменту, когда он залег в расщелине между двумя теплыми камнями и приготовился наблюдать за единственной дорогой, ведущей на мост Зурмат, у него за плечами было уже два трудных боя в районе Гардеса и на Кунарском фронте. Даже одного из тех боев было бы вполне достаточно, чтобы вспоминать о них всю жизнь, если уж она не оборвалась, как у многих других, но теперь ему предстоял еще и третий бой, и он готовился к нему, пристраивая оружие к гладким камням долины.

Был полдень, над близкой рекой летали бабочки.

Бетонный мост, по которому должен был пройти их полк, контролировался огнем душманов. Вначале они не знали об этом — разведка не обнаружила врага, сам этот район был спокойным, граница, проходящая южнее моста, уже как будто была закрыта на замок. Но стоило первым бойцам приблизиться к северному берегу реки, как враги открыли внезапный огонь. Командир полка тут же остановил марш-бросок и приказал занять боевые позиции. Фезмохаммед Фазил Ахмед командовал минометным взводом: он приготовился к бою.

Душманы также замерли по ту сторону моста и никак не проявляли себя после первых выстрелов.

Фазил лежал в тесной расщелине между камнями и смотрел на дальний берег реки. С северной стороны моста, где стояли дома, покинутые жителями, уставшими от набегов из-за близкой границы, росла пшеница, а по ту сторону моста, где был враг, темнел густой кустарник, переходящий в рощу. Выше рощи начинались предгорья Гиндукуша, покрытые зелеными прочными

деревьями, а еще выше были серые ущелья, в которых никогда ничего не росло. За спиной душманов, таким образом, был неограниченный простор для отступления. Их действиям нельзя было серьезно помешать — оставалось лишь атаковать, и преследовать, и теснить выше, до самых вершин хребта. «Но и там их не достанешь», — думал Фазил, — брать надо здесь, рядом с мостом, не дальше».

Когда начался внезапный бой, вернее, подавление врага огнем, с той стороны реки не последовало ответа. Это удивило Фазила. Он приказал своим бойцам повторить залп. Ответа не последовало снова.

Фазил с еще большим удивлением уставился на кустарник и рощу, над которой оседала сухая каменная пыль после разрывов. Нет, в их сторону никто не стрелял.

«Ну вот мы и расчистили путь, мост свободен», — с простодушием крестьянина подумал Фазил, хотя в военном деле уже не был новичком и за восемь месяцев службы в народных вооруженных силах успел стать командиром взвода и с честью выдержал два по-настоящему трудных боя.

— На мост! — скомандовал он и первым поднялся из-за камней.

В тот же миг мимо него засвистели пули душманов и несколько минометов вступили в бой. Стрельба оглушила его, но он не остановился. Он подхватил автомат и, перепрыгивая через трещины и валуны, побежал к мосту Зурмат.

Командир полка наверняка увидел солдата, бегущего к открытому, голому мосту, и, потеряв надежду вернуть его криком, заглушаемым пулеметной стрельбой, приказал организовать прикрытие безрассудного смельчака сильнейшим, надежным огнем. В те же мгновения заговорили еще несколько автоматов и огнеметов. Фазил выскочил на мост и, петляя, побежал по его гулкому нагретому бетону.

Когда он добежал до середины тридцатиметрового полотна, над его головой уже была свинцовая дуга прикрытия, невидимая в солнечном свете. Он ощущал ее всем своим существом. Оглянувшись, он увидел, что за ним поднялись еще десять-пятнадцать солдат с автома-

тами, и подумал, что это и есть настоящая атака и возглавляет ее он, Фазил.

Когда тридцать метров моста кончились и он влетел в высокую мягкую траву, стало ясно, что петлять уже не надо — в него не стреляли! Стреляли сзади, свои, а душманы, наверняка не выдержав минометных ударов, бросились к ущельям.

— Вперед, вперед! — прокричал Фазил бежавшим за ним солдатам, и в тот же момент позади него раздались несколько гранатных взрывов: душманы опять издавались над его наивностью, а он, увидев раненых товарищей, пригнулся и выпустил долгую горячую очередь по кустарнику, к которому бежал по-прежнему впереди всех.

Сзади снова раздались взрывы, но не так близко и не очень их можно было разобрать в треске усиливающейся стрельбы, но он понял, что по мосту, на котором уже было много солдат, велся огонь с флангов, а те, кто бил по нему в упор, наверняка уже дрогнули и убегают, стараясь углубиться в рощу и каменные завалы предгорья.

Он продолжал свой бег и совершенно неожиданно для себя оказался один. Осознав это, задохнулся от мальчишеского азарта. Он остановился и перевел дух. Да, бой шел позади, метров за 100—150 от него, за деревьями, а здесь было спокойно и безлюдно. Он положил автомат из правой руки в левую, вытер ладонью пот на лице, оглянулся. В следующее мгновение он подумал, как непозволительно беспечен, и вернул автомат в правую руку. В это же самое время Фазил увидел дуло винтовки, направленное на него из-за высокого коричневого камня со сбитой верхушкой. Он мгновенно, не целясь, дал очередь по засаде. Каменная крошка белыми струями брызнула в разные стороны, и камень как бы задымился. Фазил в прыжке преодолел расстрелянное до камня, увидел брошенную душманом винтовку и услышал треск сучьев. Фазил схватил винтовку и тут же спрятался за камень, который только что служил укрытием душману. Сердце его громко стучало, но он не испытывал страха, а испытывал азарт.

Он снова услышал треск сучьев и дальние звуки боя на левом и правом флангах и бросился вперед, перебегая от камня к камню, поднимаясь в горы. Он напро-

лом преследовал врага, рвался вверх и стрелял. Он вдруг подумал, что те, кто сейчас отступает, — трусливые, напуганные огнем минометов люди и что они не знают, что он здесь один, а остальные солдаты находятся не здесь, не преследуют их по пятам, а разворачивают боевые действия на берегу реки, стараясь обезвредить фланги душманов. Ведь враги, подумал Фазил, наверняка видели, сколько солдат бежало за ним по мосту, а сейчас слышали огонь и вполне могли подумать, что вся эта масса солдат движется на них, поднимается от реки вверх. Те же из душманов, кто вел сейчас бой на флангах, конечно, не думали о тех, кто отступал в центре — отступал под атакой одного лишь солдата, одного только Фезмохаммеда Фазила Ахмеда, сына правоверных мусульман, двадцатитрехлетнего крестьянина, взявшего в руки оружие, чтобы защитить революцию.

Он снова начал палить из автомата и кричать дикие угрозы в адрес душманов-наемников и пошел напролом, словно снова находился на голом месте, на бетоне моста, так быстро продвигался вперед, но здесь было больше защиты, здесь были прочные камни и надежные крепкие стволы. Он атаковал!

Он преодолел около тридцати метров и заметил серые тени. Их было немало, к тому же они словно были размыты — от бега и зелени. Он прислонился к сухому стволу, сдержал дыхание и опустил автомат. Вот тот случай, подумал он, когда нужно бросать гранату — сначала гранату, а затем бить из автомата. Он сорвал с пояса одну из трех гранат, рванул кольцо и швырнул гранату в сторону теней что было силы и в то же мгновение нырнул за камень. Сухой грохот взрыва, какой бывает только в горах, потряс все вокруг. За звуковой волной полетели осколки камней. Он услышал вой и стал поливать из автомата. Затем он выскочил из-за камня и, не прекращая стрельбы, побежал к тому месту, где взорвалась граната, совершенно опьяненный собственной безумной атакой, начатой им еще за рекой, всего лишь две минуты назад, а теперь казавшейся такой долгой, словно и река, и первый рывок были в другом временном измерении, где и он сам был совершенно другим, не ведающим, что может.

Он наткнулся на одного мертвого душмана, на вто-

рого. Оба лежали лицами вверх, и оба были убиты наповал осколками в головы. Рядом с мертвыми валялись их винтовки, а чуть поодаль лежали еще пять. Фазил сгреб их в одну кучу, приклад к прикладу, и, радуясь удаче, пересчитал винтовки один раз, а затем — для верности — второй раз. Это действительно было невероятным — захватить такие трофеи! Та одна — первая, и теперь целых семь, а всего восемь знаменитых английских винтовок «303», из которых душманы ухитрились бить по цели с расстояния в 1800 метров!

Что делать?

Как быть: преследовать банду и дальше? Или остановиться? Позаботиться о трофеях?

«Если я брошу винтовки здесь, — рассуждал Фазил, — и продолжу преследование душманов, то может случиться всякое. И, кроме того, неизвестно еще, как повернется бой внизу. Мне, наверное, лучше бежать сейчас с этими винтовками вниз, к мосту, а там попросить у командира подмоги и начать преследование душманов снова, но уже до конца. Теперь, — распалялся Фазил, — мне точно известно направление, а кроме того, — не без гордости подумал он, — известно, как много можно сделать и малыми силами. Вот мне и нужно будет не больше трех человек».

Он обвешался винтовками и тронулся вниз, на шум выстрелов. Сгибаясь под тяжестью оружия, Фазил обходил огромные валуны, иногда останавливался и прислушивался к бою и к тому, что делалось у него за спиной, но ничего подозрительного обнаружить не мог. За спиной не было ни звука.

Через пятнадцать минут Фазил вышел из рощи, миновал полосу высокого густого кустарника и увидел две свои минометные точки по обе стороны пролета и сам мост, над которым стлался сизый прозрачный дым.

Он снял куртку, нацепил ее на ствол винтовки и поднял высоко над головой — пусть видят, что идет свой, возвращается Фазил, а эта куртка — его знамя.

Первым Фазил заметил полковник. Он тут же послал ему навстречу двух ребят, а двум другим поручил прикрывать их огнем, пока они переберутся через мост.

Конечно, полковник не сразу понял, в чем дело: Фазила он узнал, но откуда у того столько винтовок? Где он их взял?

Фазил между тем поблагодарил солдат, которые его встретили на другом конце моста, сказал им: следите за кустами, и перебежал полотно, оставляя при себе все винтовки. Конечно, это было мальчишеством, но понять его гордость и радость было нетрудно: он ведь не нашел на дороге эти винтовки. Он их захватил в бою! Да, к полковнику приближался победитель: это было видно по глазам, по гордой улыбке, даже красивые гусарские усы говорили об этом, а может быть, они-то об этом и говорили больше всего!

Когда он сгрузил винтовки на траву и утер пот, полковник положил ему обе руки на плечи.

— Таких трофеев, — сказал он, — никто из нас в одиночку еще не брал.

— Да, — кивнул Фазил, — на мое счастье, удалось взять.

— Но самое главное, что ты при этом цел и невредим.

— И даже не исцарапан, — просиял Фазил.

— Уберите винтовки, — приказал полковник солдатам. — Я думаю, — проговорил он, взглянув на правый фланг, где еще раздавались выстрелы, — что мы хорошо измотали и потрепали группировку. Скоро продолжим путь.

— Мне кажется, — сказал Фазил, — я должен снова вернуться в рощу. Но теперь уже не один.

— Зачем? — спросил полковник. — Ты думаешь, там еще кто-нибудь есть? Они без оружия не вернуться.

— Мне кажется, их там много. Они ушли высоко вверх, но мы постараемся их загнать еще выше, где один лед и камни. И может быть, отобьем еще несколько винтовок.

— Хорошо, — проговорил полковник, подумав о том, что мост Зурмат требует того, чтобы вокруг него все было очищено от душманов. — Хорошо. Но только тогда надо идти сейчас же: стоит врагу дать хотя бы небольшую передышку, как силы станут неравными, враг ведь находится в засаде, а вы на его мушке.

— Будем внимательны, — сказал Фазил. — А силы и так неравные: мы сильнее.

— Идите, — улыбнулся полковник. — Бери троих солдат, и идите. Жду возвращения. А мы пошумим на флангах.

Фазил и трое солдат направились к мосту. Подойдя к его бетонному пролету, они перегруппировались, пригнулись и бросились вперед. Каждый бежал, петляя, держась друг от друга на расстоянии двух-трех метров. Фазил первым преодолел тридцать метров и влетел в густой, уже знакомый кустарник. Солдаты тоже не очень-то отстали — через несколько секунд их тяжелое дыхание уже раздавалось рядом с Фазилом.

— Теперь, — перевел дух Фазил, — цепочкой за мной. Смотрите по сторонам. А вперед буду смотреть я.

На этот раз подъем вверх показался Фазилу намного труднее, чем совсем недавно, когда он преодолевал эти камни, расщелины и сбитые ветром ветки легко, незаметно, словно их и не было на пути. Но скорость броска все же была большой, и вскоре они добрались до того места, где на земле остались лежать два убитых душмана. Вот оно, это место: два серо-зеленых валуна, три дерева и окровавленная смятая трава. Но убитых на траве не было. Не было! Они исчезли.

— Как же так? — проговорил удивленный Фазил. — Ведь я отсутствовал всего несколько минут. А трупы исчезли.

Он вспомнил, как один его товарищ, вертолетчик, рассказывал ему подобную историю. Пролетая над горными тропами в самых глухих местах, он несколько раз замечал вооруженных душманов и обстреливал их. Дважды удалось уничтожить врагов, причем в очень удаленных друг от друга местах.

— Я своими глазами видел, — рассказывал вертолетчик, — как они падали замертво на тропу, один раз двое, в другой раз трое, и вокруг при этом не было ни души, ведь тропы с высоты хорошо просматриваются. Но стоило мне сделать новый круг, развернуться, так сказать, для верности, как убитые исчезали бесследно — на тропе не оказывалось ни трупов, ни их оружия.

«Что ж, — решил Фазил, — значит, такие они завели порядки. А скорее всего винтовки им жалко! Но мы-то не на вертолете, мы на земле, а враг рядом. Совсем рядом!»

— Все — за камни! — приглушенно скомандовал он и почувствовал сильное, непривычное сердцебиение. — Приготовиться к бою!

Прошла долгая минута, но никто не нарушил тишины. Лишь снизу доносилась редкая стрельба, а наверху шумели листья, и где-то в ущелье гремела падающая с большой высоты вода.

Нет, видимо, в военном деле ничего более сложного, чем бой в горах. Камень вполне может выглядеть как человек, а хорошо замаскировавшийся человек может выглядеть как настоящий камень. Шум воды, гул и завывание ветра в ущельях, осыпи гальки под ногами диких коз — все здесь заглушает, затушевывает, смазывает звуки врага, и ты не знаешь, откуда он к тебе подбирается. Конечно, есть люди, которые умеют распознавать и самые слабые звуки, вызываемые в горах передвижением человека, а кроме того, они обладают еще и натренированным, зорким взглядом: даже в самых густых зарослях, даже в сложнейшей сети расщелин такой человек видит оружейный прицел, безошибочно определяет расстояние до него и в следующее мгновение, как правило, бьет, так как тот, кто находится в засаде, тоже прекрасно видит и чувствует момент, в который оказывается обнаруженным. Теперь уже решает скорость стрельбы, быстрота реакции — ты первый или он первый. Но и через некоторое время после перестрелки ты еще не можешь быть уверенным в том, что враг обезврежен — это ведь не на гладком поле, не в долине, где все как на ладони. Нет, в горах и до выстрела, и после выстрела нельзя быть беспечным. И после боя ты должен находиться в полной, неослабевающей готовности повторить сражение, принять новый бой.

Фазил прислушался к шуму воды, ветру в ветках и подумал, как он был прав, когда в первый раз, в первую атаку, шел напролом, без остановки, не давая врагу занять оборону, осмотреться, устроить засаду, расстрелять его из-за укрытия, пока он прыгал через камни.

Но теперь, когда они заняли оборону, а бой внизу, у реки, явно стихал, рассчитывать на обман, на внезапность и напор, поддерживаемый якобы крупными силами снизу, не приходилось. Душманы наверняка пришли в себя, осмотрелись. Они, безусловно, находились рядом и, самое главное, знали, видели, что им противостоят лишь четыре солдата, больше за ними никого нет, никто сюда не подбирается.

А сколько вокруг было душманов, Фазил, конечно, не знал.

Начиналось сражение нервов: кто не выдержит первым.

Первым не выдержал один из солдат Фазила.

Солдату показалось, что кто-то шагнул в его сторону из кустов, раскачиваемых ветром. Стреляя, он поднялся из-за камней и бросился к кустам. Пули завизжали со всех сторон, и Фазил увидел, как солдат покачнулся и, раненный в грудь, упал на траву. Двое других солдат тоже открыли огонь, и понять, кто больше стрелял — враги или свои, Фазил не мог.

В следующее мгновение он увидел двух душманов: упираясь ногами в оголенные, нависшие над расщелиной корни деревьев, они старательно целились в сторону солдат. Фазил мгновенно выпустил длинную автоматную очередь. Душманы исчезли, но ранил их Фазил или убил, понять было нельзя: душманы свалились с корней и упали за камни.

Теперь таиться уже было не к чему, и Фазил командовал палить по расщелинам и кустарникам, пользуясь преимуществом автоматов перед винтовками, и огонь тут же принес результат: в кустарнике кто-то был ранен, и, судя по стонам, не один. «Попались! — мелькнуло в голове Фазила. — Попались, теперь вы от нас никуда не уйдете».

Пулеметные стволы резали рощу и кустарник на трех разных уровнях, а затем Фазил снова дал несколько очередей по тому месту, где недавно маячили двое.

Но там было безлюдно, и он перевел огонь на кустарник, вдоль узкой поляны и чуть выше — где камни и деревья образовывали сумрачный коридор.

«Как же нам утащить в укрытие нашего товарища? — думал Фазил, глядя на неподвижно лежащего солдата, упавшего после ранения под прикрытие камней. — Как подтянуть поближе?»

Шум в кустарнике смолк, и Фазил не раздумывая бросился к раненому. Один из солдат последовал его примеру, подбежал к раненому, и они моментально перетянули парня по траве в свое укрытие. Обошлось!

Парень стонал, его светло-коричневая сукошная куртка была в крови, глаза он не открывал.

— Душманы попятились еще выше, — проговорил Фазил. — А дальше, кроме льда и камней, ничего нет. Надо проверить кустарник и рошу, — добавил он.

Через несколько секунд он обратился к солдатам:

— Прикрывайте меня. Я пошел.

Он не пошел, а пополз, ползком обогнул каменную гряду, добрался до ее северного конца, выставил автомат, но никто на приманку не клюнул. Тогда он поднялся с земли и, сделав несколько крупных шагов, прижался к стволу дерева. Тихо. Он перешел к другому дереву. Тихо. Он осмотрелся и добрался до нового ствола. Тихо. Он постучал по стволу автоматным дулом — тихо! Им овладело недавнее озорство, вернее, азарт, который он испытал, атакуя душманов, и он обрадовался этому чувству: стало легко, напряжение ушло.

Внезапно он увидел неправдоподобную картину: мертвый душман лежал на винтовках, а их стволы — четыре ствола! — были направлены в сторону Фазила. «Что же это такое? — подумал пораженный Фазил. — Не успели унести? Может быть, мы налетели на целый склад? Ведь это уже двенадцать добытых мною сегодня винтовок?!»

«Ладно, — приказал он себе, — потом будем размышлять».

Он подошел к душману, схватил винтовки за прижатые друг к другу дула и с помощью образовавшегося рычага сбросил убитого на траву. Душман действительно был мертв — не ранен, а мертв.

Внезапно Фазил услышал отчаянную автоматную стрельбу — били его ребята. Он поднял глаза: с двух сторон — справа и слева — на него наступали душманы, двое справа, четверо слева. И вот, словно не ведая, что творит, он, вместо того чтобы отстреливаться или бежать к деревьям, стал опускаться на колени, рядом с винтовками и убитым душманом, стал склоняться ниже и ниже, парализуя внимание душманов, хотя те и продолжали неотступно приближаться к нему, готовые в любую секунду броситься на него с двух сторон, броситься и уничтожить его. Они приближались к нему, не зная того, что уже знал Фазил, шли, уверенные в его обреченности, и он знал, что сделает в следующий миг, и знал, что ожидает врагов.

Внезапно Фазил согнулся еще больше и обеими руками одновременно сорвал с пояса две оставшиеся от первой атаки гранаты — одну правой рукой, другую — левой, поднес их к лицу, рванул зубами кольцо левой гранаты, затем кольцо правой и, подавшись вперед, что есть силы швырнул гранаты в обе группы врагов, стараясь свалиться после броска за выщербленный невысокий камень. Раздался один слитный, оглушительный взрыв, животный вой и свист осколков. Тяжелый камень ударил Фазила по правому плечу, по голове, мелкие упали на спину. Почти ничего не видя в пыли, он направил дуло автомата перед собой и начал палить в пыдь — сначала в правую сторону, затем в левую, потом снова в правую. Какая-то сила оторвала его от земли, он вскочил на ноги, бросился к винтовкам, стал перетаскивать их за камни, но сила иссякла так же внезапно, как и возникла, и он почувствовал вдруг головокружение, тошноту и невероятную слабость, такую, что даже не в состоянии был удержать свой автомат. «Меня, наверное, контузило, — подумал он словно в необоримом сне, — а может, и конец...»

Он почувствовал, как сильные руки подхватили его, забрали винтовки и понесли над травой, а он ничего не мог сделать. Он не распоряжался больше своим телом, оно было чужим.

...Вода реки у моста Зурмат привела его в чувство. Он открыл глаза: перед ним сидели солдаты и полковник. Полковник смотрел на него и что-то тихо говорил.

Когда к Фазилу вернулась способность воспринимать слова, их смысл, он услышал:

— Этого в нашем полку еще не было... Да, Фазил, сегодня после марш-броска о твоих трофеях узнает вся дивизия. Двенадцать винтовок! Уверен, что во всей дивизии такого случая не было.

— Что со мной? — спросил Фазил, стирая ледяную воду с лица. — Я ранен?

— Нет, — сказал полковник. — Тебя немного оглушило. Гранаты ведь разорвались почти рядом с тобой. Особенно левая.

— Левую неудобно было бросать, — проговорил, словно оправдываясь, боец.

— Я представляю, — сказал полковник.

Он лежал на узкой деревянной койке в гулкой казарме, окруженной темно-зелеными невысокими деревьями, на которых сверкали золотистые февральские плоды нораджа. Был вечер, и он отдыхал. Дорогу Кабул — Исламабад патрулировали бронетранспортеры: иногда он слышал шум моторов.

Воспоминания о марше-броске и бое за мост Зурмат постепенно теряли остроту, и Фазил радовался этому. В конце концов и те два боя — на Кунарском направлении и в Пактие, в которых он участвовал, — тоже ненадолго отвлекли его от обычных дел, обычных дум. В его сердце была лишь одна постоянная забота: земля, семья, крестьянская работа. Это вечно. Крестьянин на земле вечен, ибо вечна их связь — крестьянина и земли. А все то, чем он занят сейчас, — временно. «Но занялся бы я этим в других условиях? — думал часто Фазил. — Нет, не занялся. Ни за какие деньги не занялся бы. А вот теперь занимаюсь, теперь я солдат. Раньше, — говорил он себе, — я представить не мог, что стану солдатом. Что мне было необходимо защищать? Чужую землю? Землю, которая принадлежала феодалам? Урожай, который никогда не принадлежал моему отцу или матери, ни тем более мне? Школу, которой не было и в помине? Долги, которые и без защиты оставались неуязвимыми?

Теперь другое дело. Теперь я защищаю свою новую жизнь, новую жизнь всех людей и жизнь своей семьи. Теперь у меня есть что защищать», — не раз думал Фазил.

Для себя он уже давно привел в точное, прямолинейное соответствие открывшиеся цели и необходимые для их достижения усилия, и был неуязвим в своей крестьянской логике.

— Я солдат революции, — сказал он как-то старому отцу. — И крестьянин революции. И пока революции угрожают душманы, я останусь военным крестьянином.

Отец качал головой, соглашался: все, что людям дала Апрельская революция, необходимо защищать: «В доме ведь растут внуки», — повторял отец.

Вечером Фазила вызвали в штаб пехотной дивизии.

Он привел себя в порядок, не торопясь разгладил куртку, зашнуровал высокие черные ботинки и явился к командиру полка.

— Фазил, — сказал командир. — Тебя хочет видеть начальник политотдела дивизии Хозрат Расул. Срочно к нему!

Фазил кивнул.

— Я, — продолжал полковник, — распорядился, чтобы тебя отвезли в штаб на бронетранспортере, других машин сейчас нет.

— Поеду, — кивнул Фазил.

— Видимо, он хочет поблагодарить тебя за тот бой у Зурмата.

...В кабинете начальника политотдела было прохладно, пахло чаем, табаком и металлом. У окна лежали вычищенные до блеска автоматы. Кроме комиссара Хозрата Расула, в кабинете было еще несколько человек. Они сидели за длинным столом и смотрели на молодого солдата.

Комиссар оказался мягким, чуть ли не застенчивым человеком, чем поразил Фазила, приготовившегося к четким, громким приказам и напряженной стойке «смирно», которая не очень-то ему давалась.

Начальник политотдела предложил Фазилу сесть на диван и сказал:

— Расскажи нам о своем бое за мост Зурмат.

Фазил положил ладони на колени, помолчал, вздохнул и изложил историю боя в одной фразе:

— Я преследовал душманов вначале один, а потом с другими солдатами и добыл двенадцать винтовок «ЗОЗ».

— И все? — спросил начальник политотдела.

— Да, — ответил Фазил. — Двенадцать винтовок.

Люди в комнате заулыбались, а комиссар сказал:

— Нам бы хотелось услышать подробности боя. Как ты добыл это оружие, как атаковал душманов, или как ты их перехитрил. О твоём бое мы расскажем всем солдатам дивизии. Сообщим даже в Кабул.

Фазил смутился, затем стал рассказывать подробней. Он старался припомнить все детали и трижды повторил рассказ о первых минутах боя, когда он перебежал через мост и увидел первого душмана. Рассказы-

вая, он почувствовал, что снова переживает те же ощущения, что и тогда, в минуты боя, его горячие секунды, когда он отстреливался, когда заметил тени или когда увидел наведенную на него винтовку, а также тех двоих, что упирались ногами в высокие голые корни деревьев... Когда он начал рассказывать, как зубами рванул кольца гранат, начальник политотдела встал из-за стола и, слушая, стал расхаживать по кабинету.

Фазил закончил рассказ, достал из карманчика грубой суконной куртки ослепительно белый платочек и вытер со лба пот.

— Молодец, — проговорил комиссар, — ты сражался смело.

— Так душманы оказались слабыми, — сказал Фазил.

— А ты не думал, — спросил кто-то из людей, сидевших за вторым столом, — почему душманы оказываются слабыми в бою?

— Мы часто видим, как они бегут, — ответил Фазил. — Они смелые до нашего первого удара. Или когда у них сильное численное преимущество — когда их десять, а наш один, а вокруг никого... Еще можно увидеть смелых душманов, когда они действуют по ночам против крестьян в деревне. Бьют и режут даже детей. А в бою очень смелых душманов я не видел, — закончил Фазил.

— Да, — вмешался комиссар дивизии, — смелости бандитам и наемникам хватает ненадолго.

— Им не за что сражаться, — проговорил вдруг Фазил, поднимаясь во весь рост. — Не за что! А я могу и буду сражаться за революцию день и ночь.

Комиссар взволнованно посмотрел на молодого, подтянутого солдата, спросил:

— У тебя есть семья?

— Конечно, — ответил Фазил. — Мы живем в Полихумри. Мой отец совсем недавно умер, а мама жива... У нас с Сайрой двое детей.

— Только двое? — переспросил комиссар. — А сколько тебе лет?

— Двадцать третий год, — ответил Фазил.

— Да, детей мало, — повторил комиссар.

Фазил пробормотал, что, возможно, и мало, но, возможно, что будет много, как и у всех в Полихумри.

— Сыновья? — спросил комиссар.

— Один сын и одна дочь, — ответил Фазил. — Дочь Шикиба, а сын Революция.

— Что сын — революция? — не понял комиссар.

— Я назвал его Революция, — ответил Фазил. — Это его имя.

Комиссар подошел к окну и тихо проговорил:

— Купи детям побольше сладостей и отвези в Полихумри. Мы даем тебе три дня отпуска. Помоги жене и матери по хозяйству...

«Передачу вела Хусния Усмон»

Диктор Кабульского телевидения Хусния Усмон приехала в университет в 10 часов утра. Через несколько минут она уже знала, что происходило в городе минувшей ночью. Со всех сторон ей говорили: «Ты слышала выстрелы? Ты видела горящие машины? Ты знаешь, что будет сегодня?» Она, конечно, знала о том, что вчера, в самый пасмурный и туманный день нынешней зимы, большинство частных магазинов в Кабуле оказались закрытыми. Она знала о том, что в некоторых кварталах города вечером начались спровоцированные беспорядки. Но дом, в котором она жила, находился далеко от центра, и неудивительно, что Хусния ничего особенного не видела и не слышала. Теперь в университете многое становилось известным. Более того, Хусния с ее чутким, обостренным интересом к человеческой психологии почувствовала, как ночные события отразились на многих ее знакомых — одни были откровенно удручены, другие не скрывали своей радости.

Занятия, как поняла Хусния, не состоятся. Она побродила по опустевшим коридорам, заглянула в несколько аудиторий — никого не было. Она с трудом вернулась домой — автобусы ходили редко, и, поскольку дежурства на телестудии в этот вечер у нее не было, она решила остаться дома и никуда не выходить. Хусния не могла знать, что этот день, а вернее вечер, станет одним из самых важных вечеров в ее жизни, что он потребует от нее — диктора телевидения — не только личной смелости, но и настоящего гражданского мужества.

Хусния Усмон — активистка ДОМА, студентка третьего курса медицинского факультета Кабульского уни-

верситета. И вот стала еще и диктором центрального телевидения Афганистана. В студенческой аудитории она занималась днем, а телепередачи вела вечером. Чаще всего это были передачи политического характера, а также информационные программы.

Итак, в тот вечер Хусния была свободна. Она помогла матери по дому, собрала учебники, необходимые ей на завтра, и собралась почитать. Чтение, однако, не шло, ее не покидали мысли о событиях в городе, об обстановке в университете. Она снова и снова возвращалась мыслями к людям, которые так зримо проявились благодаря последним событиям. Конечно, как и каждый студент университета, Хусния Усмон знала, сколь неоднороден социальный состав студенчества и как поразному молодые люди относятся к революционным преобразованиям. Но одно дело знать и совсем другое дело видеть... В начале седьмого, когда даже к их кварталу уже стал доноситься шум беспорядков, Хуснии позвонили из телецентра.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил редактор информационных передач Азиз Ишан-заде. — Не болеешь?

— С какой стати? — спросила девушка, в свою очередь. — Я здорова. Сегодня была в университете, но занятий не было.

— Хусния, — проговорил после странного молчания редактор, — через пятнадцать минут к твоему дому подойдет машина министерства внутренних дел. Водитель будет вооружен. Ты сядешь в эту машину, и тебя привезут на студию. Тебе предстоит с важным сообщением выйти в эфир... — Он умолк. Хусния помолчала тоже. Однако взволнованность редактора и ее собственное беспокойное состояние, вызванное недавними размышлениями, не позволили ей на этот раз раздумывать долго. Она почти механически проговорила:

— Конечно. Через пятнадцать минут я могу выйти из дома.

— Хорошо, Хусния, — с облегчением сказал редактор. — Спасибо тебе. Мы очень ждем. И будь осторожна.

Девушка опустила трубку, прошла по комнате, остановилась у окна.

За окном лежал Кабул — город, в котором она вы-

росла и в котором проходила теперь ее жизнь. В ранних сумерках лежали древние и новые кварталы, парки и улицы, которые она любила и знала, как свой родной дом. Два дня назад город был близок ей и дружелюбен, а сегодня в нем шла перестрелка и наемные банды стремились посеять панику и смятение среди его жителей. «Но я поеду по его улицам, — думала она, — а потом появлюсь перед миллионом его зрителей в их домах и сообщу им что-то очень важное, и в этом будет моя личная помощь городу и его жителям».

Хусния не стала говорить матери о звонке. К чему беспокоить мать? Она и так постоянно переживала за дочь, понимая, сколь необычным делом та занимается и как небезопасно оно, несмотря ни на какие уверения дочери. Хусния молча и незаметно оделась; взяла сумочку и выскользнула из дома. Было двадцать минут седьмого.

Любой житель Кабула, имеющий телевизор, смог бы узнать Хуснию издалека и, конечно же, сразу: красота запоминается быстро и забывается медленно. Но у Хуснии был и другой дар, не уступающий яркой красоте: дар искреннего сопереживания. Она не просто сообщала зрителям те или иные новости, не просто зачитывала тексты. Она переживала их как личную радость или собственную драму и жила скорбью или пафосом сообщений. Хусния хотела, чтобы каждый, кто ее слушал и видел, так же, как и она, всецело проникался тем, о чем она сейчас говорит.

Хусния Усмон выросла в семье служащих и среди пятерых своих сестер была младшей и единственной, кто решил посвятить себя медицине. Более того, Хусния решила стать не просто врачом, которых в молодой республике пока мало, а врачом-психиатром, которых, по существу, нет вообще. И вот теперь еще и телевидение. Это совершенно новое, необычное для страны и даже для Кабула дело, получившее здесь взрывное развитие, привлекло Хуснию и многих других ее ровесников, членов Демократической организации молодежи Афганистана, прежде всего тем, что позволяло участвовать в настоящей, реальной жизни. Оно помогало участвовать в ней сегодня, а не завтра, помогать революции сейчас, а не только в будущем. Очень скоро, по признанию зрителей и работников Кабульского телевидения, Хусния

Усмон стала лучшим диктором передач на политические темы, ее появление в эфире стало неизменно привлекать самое широкое внимание зрителей всех категорий. Помогало новое занятие и самой Хуснии — помогало глубже и лучше понимать происходящие в стране процессы, открывало новые стороны известных явлений, их взаимосвязи. Вникая в те или иные политические тексты, вникая не от случая к случаю, а постоянно, девушка училась самостоятельному анализу, училась мыслить, разбираться, проникать в глубь преобразований, происходящих вокруг. Она взрослела, обретала прочную внутреннюю платформу, и новые знания и убеждения формировали ее гражданскую ответственность. Среди студентов Хусния пользовалась большим авторитетом. Связывали большие надежды с ней и на телевидении — особенно в условиях почти полного отсутствия квалифицированных профессиональных дикторов.

Теперь, в этот вечер, Хуснию ждали на студии с особым нетерпением. Однако машина, в которой она ехала, задерживалась. Пробриться через многочисленные контрольно-пропускные революционные посты, вынужденные на каждом углу проверять пароль и документы, и через обманутых, озлобленных людей, спровоцированных на беспорядки, было нелегко. Хусния ехала по улицам, на которых происходили беспорядки, каждую минуту рискуя подвергнуться нападению озверевших врагов, попасть под шальную или прицельную пулю, посылаемую ими из-за углов в любой движущийся транспорт. Она ехала по улицам, где с наемниками боролись бойцы народной милиции и ребята из революционных отрядов ДОМА, созданных Центральным Комитетом в срочном порядке. Она находилась в сильном напряжении, но, по ее же собственному признанию, несколько не переживала за себя лично, а единственное, чего она по-настоящему боялась, так это случайности или прямого нападения, которые сорвали бы ее передачу и помешали бы ей выполнить свой долг, который она, пожалуй, впервые в жизни ощущала с такою силой и ясностью. Когда она переступила наконец порог дикторской, она была счастлива — это увидели все.

А потом началась работа. Ровно в семь часов вечера Хусния Усмон вышла в эфир. Она читала слова обра-

щения к жителям Кабула, читала сообщения о провокаторах и наемниках, а также материалы о том, кто стоит за спиной контрреволюции и кто направляет ее темную силу и плетет заговоры. Она читала, как всегда, взволнованно и страстно, но в этот вечер дикция, голос и выражение ее лица были все же особенными, неповторимыми, потому что она, как и ее коллеги, журналисты телевидения и радио, технические работники и подавляющее большинство жителей Кабула, понимала, что наступил сложный, трудный период в жизни столицы и многое теперь зависит от личной готовности каждого встать на защиту Апрельской революции, отстоять ее завоевания и ее идеалы.

В этот вечер, как и в последующие сутки, на телевидении и радио Кабула с небывалым энтузиазмом и небывалыми нагрузками трудились все. Многие вообще не отдыхали — об отъезде на ночь домой не было и речи. Некоторые журналисты, кроме выполнения своих прямых профессиональных обязанностей, с оружием в руках защищали важные объекты, принимали участие в обезвреживании врагов революции. Редакторы, репортеры и режиссеры постоянно выезжали в самые опасные районы города и с риском для жизни вели свои репортажи. Оператор Хаятулло Хаяты направлял объектив своей телекамеры на самые беспокойные, горячие объекты, оставаясь при этом невозмутимым, решительным, словно десятилетиями занимался киносъемкой, а не те несколько месяцев, что прошли со дня его прихода на телевидение и, собственно, освоения камеры. Президент радио ДРА Азис Маджид-заде принял участие в задержании пакистанских диверсантов, укравшихся в одной из гостиниц города...

Диктор Хусния Усмон сообщала о новых и новых мерах, которые правительство принимало по борьбе с наемниками, по наведению порядка в столице. Хусния знала: через день-два, когда она снова появится в университете, когда выйдет на улицу или сядет в автобус, — ее узнают многие, и среди них те, кто сегодня, в этот вечер, находился по «ту сторону баррикад», кто ненавидит революцию и все то, что она с собою несет. Ведь даже в обычное, спокойное время она, студентка, не могла не видеть людей, особенно среди тех, кто приезжал в Кабул на учебу из провинций, проклинающих

университетские порядки только, например, за то, что здесь возможно совместное обучение юношей и девушек. Она видела тех, кто с открытой враждебностью относился к одному из важнейших декретов Апрельской революции — декрету о равноправии афганских женщин... Она, Хусния, знала, как эти люди встретят ее в университете. Она знала, какой опасности подвергала себя, но продолжала свою нелегкую службу перед телевизионной камерой, один на один с ее ярким сигналом эфира, один на один с сотнями тысяч зрителей, друзей и врагов, но все же в подавляющем большинстве своем — друзей.

...Домой Хусния Усмон попала только через двое суток. Мать обняла свою юную решительную дочь, и они долго стояли молча, не говоря ни слова, так, словно прислушивались к сердцам друг друга...

...Несколько дней Хусния не появлялась в эфире: их машину зацепил «форд» опаздывающего куда-то американского дипломата — Хуснии при ударе рассекло щеку. «Но, — сказала она по телефону редактору, — теперь все в порядке. Могу выходить в эфир». И заторопилась на телевидение, где ей предстояло зачитать новое заявление МВД ДРА, в котором говорилось о том, что в связи с дальнейшей нормализацией положения в Кабуле комендантский час в городе смещается на более позднее время — 8 часов вечера. Следующей информацией, которая была бы лучше этой, могла стать, по ее мнению, лишь та, в которой бы говорилось о полной отмене комендантского часа, о спокойной и трудовой жизни ее родного города, всей страны...

СОДЕРЖАНИЕ

Три дня и вся жизнь	3
Бой за мост Зурмат	74
«Передачу вела Хусния Усмон»	89

Б86 Бочаров Г. Н. Горячие секунды жизни. Афганистан: молодые герои революции. — М.: Мол. гвардия, 1980. — 95 с.

15 к., 50 000 экз.

Эта книга повествует о судьбах молодых афганских революционеров — секретаря Исполкома Демократической организации молодежи Афганистана (ДОМА) Фарида Маздана, солдата Фазила Ахмеда и студентки Кабульского университета Хуснии Усмон. На долю этих людей выпало немало трудных испытаний, но именно они помогли формированию политической и гражданской зрелости молодых революционеров, закалили их волю и характер. Особым экзаменом для каждого из них стали дни февральской контрреволюционной вылазки, организованной силами международной реакции и внутренними врагами революции. Через эти дни, дни начала второго этапа Апрельской революции, показаны судьбы героев, о которых идет речь в этой книге...

ББК 66.75(5Аф)
ЗКМ

Б 10304—311
078(02)—80—Без объявл. **1104000000**

ИБ № 2888

Геннадий Николаевич Бочаров

ГОРЯЧИЕ СЕКУНДЫ ЖИЗНИ

Редактор С. Глушко

Художник В. Тогобицкий

Художественный редактор В. Новолин

Технические редакторы Н. Фатхутдинова, Т. Нулагина

Корректоры В. Авдеева, Т. Песнова

Сдано в набор 05.11.80. Подписано в печать 02.12.80. А13888.
Формат 84×108¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Усл.-печ. л. 5,04. Уч.-изд.
л. 5,0. Тираж 50 000 экз. Цена 15 коп. Заказ 1770.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типо-
графии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

15.2

15 коп.

91 665

ГОРЯЧИЕ
СЕКУНДЫ
ЖИЗНИ

«Молодая гвардия»